

СЕРГЕЙ НИКОНЕНКО

ПАРАЛЛЕЛИ

ТОМ ПЕРВЫЙ

РОМАН

Сергей Никоненко

Параллели. Том I

«Издательские решения»

Никоненко С.

Параллели. Том I / С. Никоненко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-640904-0

Роман «Параллели» разворачивается на просторах Целины, горчит полынью и суровостью исторической повестки, будоражит размахом казахстанских земель, увлекает смелостью и молодостью главных героев. Книга уникальна темой переселения немцев в Российскую империю, в Поволжье, на Целину и обратно в Германию, история поколений, рассказанная непосредственно со слов потомков пережитого. Роман был издан в одном томе для электронной версии, в двух томах для печатной.

ISBN 978-5-00-640904-0

© Никоненко С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог – Память	6
Екатерина II	10
Фрицы	11
Циммерманы	13
Миллеры	15
Гееры	17
Иван Елисеевич	19
Иван Васильевич – Василий Иванович	37
Григорий	48
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Параллели. Том I

Сергей Никоненко

© Сергей Никоненко, 2024

ISBN 978-5-0064-0904-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0064-0903-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог – Память

Был прекрасный майский день, воздух, словно переполненный цветением сирени, источал мягкий приглушенный аромат. Легкий ласковый ветерок, набегающий со стороны низкого берега реки Жабай, шуршал молодыми листочками тополей, а те отвечали ему игрой светлых листочков, какими они бывают только весной. Сергей сидел на парковой скамье, на бывшей парковой аллее, в бывшем городском парке районного города Атбасар.

Здесь он родился в далеком уже 1961 году в мае месяце, на тогдашней станции одноименного города. Он очень любил свою родину за ее бескрайнюю степь, усыпанную благоухающими тюльпанами, красотой и вкусом которых он всегда безмерно наслаждался. Где, как не здесь, можно было искупаться в море цветов, когда от горизонта до горизонта ты видишь благоухающее разноцветье крупных жёлтых, красных, белых тюльпанов, которые покоряют тебя с первого раза и навсегда. Степной ветер приносит к тебе запах разнотравья, пьянящий твои ноздри, а ковыль, как мягкое ласковое одеяло, стелется перед тобой, покачиваясь большими перекастами и, как волны морей, зовет тебя в свои бескрайние просторы.

Весна, особенно ее последний аккорд – май – всегда пленяли воображение Сергея, рождали в нем новые мысли и мечтания. Еще он очень любил осень, особенно теплую, сухую и продолжительную. Она дарила непревзойдённые запахи пшеничных полей, таких же бескрайних как сама степь, буйство красок в парках и скверах, по которым он так любил ходить, оставаясь один на один со своими чувствами и самой природой. Именно прохаживаясь здесь, вдали от сует городских, он отчетливо понимал Пушкина и его поэзию.

Казахстан, где волей судьбы ему посчастливилось родиться, научил его очень многому, что так пригодилось ему во всей жизни. Его разнообразные красоты всегда притягивали и поражали. Восточный Казахстан с его изумительными пейзажами лесов и предгорий, с хрустально чистой водой в скромной горной речке Ульба, которая весной вдруг становилась могучей и широченной, и с ревом и грохотом катилась в низину. А закаты и восходы солнца над «Медвежьей горой» в маленькой затерянной деревушке Черемшанка дарили такую неопишемую красоту, что хотелось стоять и смотреть на это явление, не отрываясь, боясь пропустить любую крупинку парящего в лесной глуши счастья. Все невзгоды и неприятности пропадали в эти минуты, земные заботы становились мелкими и незначительными перед этой величественной природой. А служба, проходившая в этом живописном месте, уже не казалась чем-то обыденным и нудным. Особую экзотику придавало само население деревеньки, люди здесь жили крепкие и умелые, потомки раскольников петровской поры, не принявшие новое учение церкви – старообрядцы. Они любили все, что было вокруг них, и эту любовь передавали из поколения в поколения. А южный Казахстан, особенно со своей жемчужиной Алма-Атой, которая лежала как драгоценный бриллиант в оправе Заилийского Алатау, и горы своей широкой статью создавали в городе особый микроклимат. Тенистые аллеи дарили щадящую прохладу в знойный день, а многочисленные парки и скверы летом просто поражали красотой клумб и их обилием. Чем выше к горам подымался путник, тем ароматнее и ароматнее становился воздух. Особенно радовала дорога на Медео, где в изобилии цвели сады с райским яблоком «Апорт», гордостью местных селекционеров. Вкус и запах этого яблока не передать словами, его можно только попробовать, но раз вкусив, вы уже никогда его не позабудете и навряд ли какое-либо яблоко на земле может соперничать с алма-атинским «Апортом».

Алма-Ата – как много чудесных, сказочных дней подарила она ему, как он ее любил преданно и нежно, словно сдержанный юноша гордую и недоступную красавицу. Она щедро одаривала его прохладой вечерних улиц и проспектов, живительной влагой своих фонтанов, коврами своих роз и вершинами седых гор, но всегда оставалась чарующе манящей и загадочной, как ослепительная царица для своих подданных. Здесь он закончил 8 класс средней 101 школы,

которую тоже очень любил, здесь он бежал почти ежедневно на занятия в секции бокса, испытывал самые благоговейные чувства ученика перед своим учителем-тренером, который воспитывал мальчишек настоящими мужчинами, и чьи уроки остались с ним на всю его жизнь. Жаль, что он так мало прожил в этом благодатном городе, в котором так любит бывать.

Казахстан, Казахстан такой разный и такой прекрасный, хранящий в себе так много памяти и событий – его родина, страна его детства, юности, молодости. Именно он подарил ему лучшего друга – Виктора, который прошагал с ним всю свою такую небольшую по человеческим меркам жизнь. Был его сослуживцем в армейские годы, его свидетелем на свадьбе, с которым после армии сдружились уже семьями и с которым мечтали как-то приехать сюда, на свою родину, пройти по улочкам родного Атбасара, где оба родились, откуда ушли в армию. Куда первым вернулся Виктор, а затем, после годичной разницы, и сам Сергей, где так спорно-благополучно протекала их жизнь, вплоть до отъезда Виктора с семьей в Германию.

Всматриваясь в реку их так далекого детства, Сергей думал, как причудливо складывалась их с Виктором жизнь, словно два ручейка, имеющие разные начала, в некоем месте вдруг сошлись в одном мощном русле, пробежали совместно какую-то определенную кем-то дистанцию и, словно вынырнув перед высоким порогом, обошли его каждый своим индивидуальным путем, надеясь соединиться там, где река делала крутой поворот, но, к сожалению, не все учли. И прежде всего внешние обстоятельства, окружающую среду, и, конечно, собственные силы. Сергей встал на этом берегу, он оказался один – его друг по независящим от него причинам не смог стоять с ним вместе. Они после этого высокого порога в их жизни как две параллельные линии, бегущие в бесконечность рядом, там за горизонтом. А может, вопреки законам геометрии, линии в бесконечности сходятся?

Мы оказались здесь разными путями, разными народами, прожившими где-то одинаковую, где-то разную жизнь. Нас то вела нужда, то гнали власти. Мы то были счастливы, то несчастны, но, главное, на этой земле в нашем Казахстане родилась какая-то уникальная общность. Мы научились выживать в этих суровых условиях. Эту природу мы уже не воспринимали как какие-то выселки, мы приняли эту землю всем своим сердце, мы считали ее своей родной, своей родиной и нам не было ущербно в этой степи, так далеко от цивилизованных центров. В нашем маленьком пятидесятитысячном городке мы старались жить полнокровной жизнью, ценить то, что имели, и не гнаться за сверхжеланиями, не замыкаться в собственном эгоистичном мирке, а быть открытыми для всего такого интересного и увлекательного мира. Нам было достаточно съездить в отпуск к морю или в какой-то большой или сверхбольшой город. Мы не чувствовали себя ущербными от того, что живем в нашем маленьком городе, потому что долгие годы отлаживался определенный ритм жизни, выстраивались определенные правила, многое или почти все вокруг нас было понятно и предсказуемо, мы могли планировать. Мы никогда и ни в чем не заикливались на так называемых мировых проблемах, не стремились кого-то учить жизни, мы просто жили. Здесь и сейчас. Мы растили своих детей и желали им лучшего будущего в соответствии со своими представлениями о таком будущем. Мы были теми, кем сделали нас наши родители, а они – теми, кем сделали их наши деды и прадеды, неся на себе весь опыт предшествующих поколений. Этот опыт был разный, но часто говорил об одном. Можно бесконечно говорить: «такое время, такие люди», однако сама жизнь подсказывает то, что несмотря на разные эпохи, столетия, года, во все времена, во всех обстоятельствах недостойный человек только и ищет, и находит себе оправдания «на все случаи жизни», а сильная настоящая личность остаётся ею на века, и над нею не властно время. Таким и был Виктор, его лучший друг, который незримо стоял с ним плечом к плечу и любовался их общей родиной.

Всматриваясь в прошлые года и столетия, Сергей силился понять, как так случилось, что на этой благодатной земле Казахстана в исторической перспективе сошлись судьбы многих народов, репрессированных и прибывших сюда по доброй воле, в период столыпинских

реформ, и всех эта земля приняла и взрастила, дала кров и убежище, пропитание и сочувствие. Именно здесь родилось такое явление как равенство и уважение к культуре любого народа, живущего по соседству. Интересный опыт исторической ассимиляции европейцев, в частности, немцев, реже иных европейских народов, представляющей целый пласт судеб, берущий свое начало с «указов» российской императрицы Екатерины II, получившей нарицательное имя – «Великая» и одинаково уважаемой как на западе, так и на востоке. И как хочется помнить о том, что ту историю – историю золотого Екатерининского правления – творили конкретные люди, в том числе и переселенцы с тогда еще раздробленной Германии.

Процесс укоренения новых подданных Российской империи нес в себе значительные трудности и даже трагедии, но, несмотря на это, европейские крестьяне и ремесленники решились на переселение, и прежде всего их гнала нужда и бесперспективность собственной жизни. Они осваивали Россию не менее трудно, чем «Старый свет» осваивал Америку, но здесь они обходились без насилия по отношению к местному населению. Создаваемые ими колонии позволяли ему сохранять собственную культуру и язык, в тоже время они не могли быть полностью защищенными от влияний местных культур народов, проживающих вокруг, на конкретной территории расселения. Следовательно, возникал процесс обмена культурными традициями, так сказать, некая территориальная субкультура – явление на редкость интересное и до настоящего времени не получившее должного внимания общества. При этом, живя колониями, немцы были вынуждены много информации, касающейся истории своих родов, передавать устной речью, путем бережного пересказывания «из уст в уста», такой информацией изобилует любая семья немцев – колонистов – переселенцев – репатриантов. Интерес также вызывает исторический опыт немцев как разделенного народа, особенно с 1917 г. по 1991 г., когда данный народ не имел реальной возможности к воссоединению. За этот период немцы понесли наиболее тяжелые потери, связанные со Второй мировой войной, и, как следствие, «Отечественной войной Советского Союза 1941—1945 годов, повлекшей ликвидацию «Поволжской» республики немцев, их массовую депортацию в Казахстан и значительные ограничения в гражданских правах.

На протяжении многих лет, особенно после «оттепели 60 годов», 22 съезда партии, на котором Н. С. Хрущевым была объявлена борьба с «культулом личности Сталина», немцы добивались от центральной власти своей реабилитации, возрождения «Поволжской» республики немцев. Наконец, в 1979 году ЦК КПСС была создана комиссия для решения данного вопроса, и было принято решение о создании на территории Казахстана, в Целиноградской области, Ерментауском районе, немецкой автономной области. Однако данное решение не было воплощено в жизнь из-за начавшихся в 1979 году в ряде областей Казахстана националистических выступлений казахов против такого решения властей. В значительной степени это и послужило основным спусковым крючком для массового отъезда немцев на историческую родину в Германию. Сам процесс этот шел трудно с частыми столкновениями с откровенным криминалом и саботажем местных властей. К тому времени возникло множество смешанных браков немцев с представителями других национальностей, что порождало, в том числе, дополнительные трудности при подаче документов на выезд. И, конечно, в жизни немецкого народа на территории Российской империи, Советского Союза, Казахстана, Федеративной республики Германии, как и в любом другом, всегда тесно сосуществовали: любовь между мужчиной и женщиной, профессиональные успехи и достижения, межличностная конкуренция, дружба и благородство, ложь и предательство. Конечно же, не обходилось без внутрисемейных конфликтов, конфликтов между семьями и целыми фамилиями. Одним словом, всего того, что так красочно и всестороннее наполняет человеческую жизнь, делает ее осмысленной и продуктивной, а к преклонным годам позволяет с гордостью оглянуться назад и прозорливо вглядываться в будущее!

«И всё-таки как же это все было», думал Сергей и напряженно вглядывался в даль ушедшего двадцатого столетия. Обрывки услышанных рассказов, сведений и пересказанных легенд выстраивались в четкую линию событий, за которыми мелькали конкретные люди, знакомые и не очень, но настолько интересные, что он не мог отделаться от мысли о том, что они продолжают существовать пусть сейчас только в его голове, и ему казалось, что многое из того, о чем он точно знает, они пытаются донести до своих потомков, увлеченных действительностью, погруженных в такой быстро меняющийся мир новых технологий и возможностей. Но для того, чтобы этот мир состоялся, им, ушедшим в историю, еще как пришлось потрудиться и пережить не одну трагедию в своих собственных жизнях. А так хочется своих потомков предостеречь от вольного и не уважительного отношения к их многотрудному опыту.

Екатерина II

Всматриваясь в широкие окна дворца, молодая Екатерина перебирала мысли о своем будущем в этой пока еще чужой, но чем-то манящей стране – России. Она видела, как огромна ее территория, неровность развития отдельных частей, слабость науки и современных методов развития. Образ Петра Великого не давал ей покоя, как сумел он провести, казалось, немыслимые реформы. И как дело его рук постепенно угасало и скатывалось на зыбкую почву державного блаженства. Ее муж, увенчанный одноким копированием чужого опыта, был сосредоточен на себе, своей, наконец-то наступившей вольности – свободе. Но отчего, думала Екатерина – от женского давления, ограничений, указаний, дождавшись периода абсолютной власти, он оказался неспособным к ее ношению, человеком, не видящим далее своего дворца, щедро раздаривавшим завоевания своей армии, не щадящим чувств собственного народа. Ему было достаточно собственной власти и собственного величия, он не соединял его с судьбой своей империи и судьбой своих поданных – народа. Можно ограничиться ролью правящей императрицы, хорошо жить и сладко спать, размышляла молодая Екатерина, но ей очень хотелось править сильным, могучим государством, которое бы уважали соседи, которое могло бы влиять на политику и развитие мира. С таким мужем этого не достичь, может, попытаться его переубедить, может, не все потеряно, думала Екатерина и тут же наткнулась на ответ: «Нет, муж испил власть, проявил первый опыт ее применения и не желает меняться, его уровень – это уровень захолустного правителя-самодура и ничего большего не желательно».

– Но ведь мне, мне лично, этого мало, слишком гнетет прошлый опыт, этот уровень я прошла, в нем ничего привлекательного нет. Да, я немка, и народ, которым я управляю, мне изначально чужд и непонятен, но я привыкаю к нему, к его культуре и быту. Я вижу его таланты, сердечность, привлекательность. Кем и чем! Кем и чем, – думала Екатерина и тут же отвечала: – Народом, дарованным мне богом! Я, именно я, хотела бы править просвещенной и сильной империей, раздвигающей свои границы и преуспевающей в мире. А для этого нужны головы, руки, способные принести новые опыты, современные уровни труда, повести за собой окрестное, работающее население. Как это сделать, как?

Екатерина до боли всматривалась в окно, а мысли бежали и бежали, то теряясь вдали, то всплывая ясным образом первостепенных дел. В такие мгновения Екатерина понимала, что для реализации задуманного ей нужна полнота власти и надежные, разумные соратники.

– Ах, если бы, – думала Екатерина, – ах, если бы... Но Петр, нет, это невозможно, – тяжелый вздох сдавливал ее красивую грудь, она энергично спускала и подымала руки, и все же в ее голове все зрело и зрело убеждение, что и как нужно делать с Россией. Ее Россией, сильной и развитой, уважаемой соседями...

Фрицы

Еська от своего друга Роберта услышал о приезде в соседнюю деревню вызывателя. Роберт скороговоркой стрекотал о том, что русская императрица зовет работающих немцев, французов, голландцев и других в свою империю, на работу по освоению земель, коих в России великое множество, что за это она готова платить деньги, и немалые. Всего, что говорили в соседней деревне, Роберт пересказать не смог, слишком невнимательно слушал, но главное он понял четко – привилегии переселенцам обещались немалые.

Любопытство так и распирало Еську, наскоро собравшись, он отправился в соседнюю деревню Альхольт, через час он уже рассматривал вызывателя Шульца в небольшой группе людей – местных крестьян. Вызыватель был человеком крепкого телосложения, одет он был скромно, в зеленый камзол с красными отворотами, на голове был белый парик. Шулец размахивал какими-то бумагами, часто тыкал в них пальцем и заострял внимание слушателей на материальных выгодах предприятия.

– Это Указ русской императрицы Екатерины II, – говорил Шулец. – Она обещает каждому переселенцу свою защиту и покровительство, обещает, что все желающие поселиться в России и добывать себе лучшее пропитание обработкой плодородных, но еще невспаханных земель, могут обратиться к русским посланникам, которые и отправят их в Россию. Ныне сим объявляется, что все являющиеся во Франкфурте-на-Майне русскому комиссару и им принятые в колонисты, будут пользоваться следующими выгодами: на прокормление будет выдано ежедневно взрослому мужчине 16 крейцеров, взрослой женщине и каждому подростку, обоих полов, – по 10 крейцеров, и ребенку – 6 крейцеров. Отправленные в Любек колонисты будут пользоваться бесплатно квартирой, а в пути для женщин и детей будет дана подвода. В Гамбурге или Любеке колонисты также будут размещены по квартирам и довольствованы кормовыми деньгами до посадки их на суда для отправки в Россию, причем на суда будет также доставлен провиант. По набору в Любеке достаточного количества колонистов будет нанят для них особый корабль, на который, кроме колонистов, никаких пассажиров допущено не будет. Также гарантируется доставка до места за счет казны, гарантируется свобода вероисповедания, освобождение от воинской повинности и беспрепятственное возвращение на Родину.

Сказанное ласкало слух и манило перспективой. Еська дождался конца выступления вызывателя, а также окончания всех расспросов местных крестьян. Как только вызыватель остался один, Еська подступил со всей решительностью узнать больше и точнее о кампании.

– Скажите, – бегло протараторил Еська, – а выделенные деньги не надо будет возвращать?

– Нет, – ответил вызыватель и продолжил, – ведь они идут на твоё обустройство, то есть ты их проживешь. Как же ты их сможешь вернуть?

– А как же тогда вы узнаете, что я их употребил по назначению? – парировал Еська.

– Видишь ли, – неспешно отвечал вызыватель, – страна у нас большая, чтобы по ней даже вернуться обратно, нужно будет их приумножить, а приумножая, мы уверены, ты, естественно, втянешься в работу. Осядешь, заживешь лучше, чем здесь и, поверь мне, ты и сам не захочешь бросить все, что приобрел, и уехать, да и к чему, к той вот твоей нищете?

– Тебя как зовут-то? – спросил вызыватель.

– Иосиф – гордо ответил Еська.

– Послушай, Еська, сколько человек у тебя в семье? – спросил Шулец.

– Так семь со мной будет, – ответил Еська.

– И что же, вы хорошо живете, всего вдоволь? – продолжил вызыватель.

– Да живем как-нибудь, хотелось бы лучше, но все так живут, – ответил крестьянин.

– Хотелось?! Так я тебе и предлагаю самому сделать что-то для этого. Воспользуйся Указом императрицы, с нажитым-то везде хорошо, а вот наживешь ли ты что-то здесь, я сомневаюсь! – убеждал Шульц.

Беседа длилась еще полчаса, за которые Еська успел хорошо ознакомиться с Указом, условиями и личностью Шульца. Желание попробовать щекотало ноздри, голова и руки Еськи покраснели, сердце колотилось в тревоге и восхищении. Видя томительное терзание Еськи, Шульц покровительственно улыбнулся и почти распевно сказал:

– Ну, ты, парень, поговори с семьей-то, я в харчевне Кляйна еще два дня буду, решитесь, приходи, оформим, ну, а нет, думаю, прогадаете, но дело ваше.

С этими словами Шульц резко развернулся и пошел по направлению к харчевне.

– Бывай, – бросил он Еське.

– До-сви-да-ния, – протянул Еська и заспешил домой.

Отец Еськи был уже дома, когда тот вошел в дом.

– Пап, можно с тобой поговорить, – протянул Еська.

– Что еще? – сурово спросил отец.

– Я был в деревне Альхольт, там слушал вызывателя, так вот он от имени русской императрицы Екатерины II приглашает в Россию, осваивать земли.

Отец Еськи был человеком рассудительным и сметливым, но, к сожалению, не сумевшим выбиться из бедноты. Его рыжеватые волосы слегка вздернулись, натруженные ладони раскрылись, и он медленно произнес:

– Ну-ка, ну-ка расскажи, а мы послушаем.

Остальные домочадцы с интересом переглянулись. Еська быстро, как умел только он, передал весь рассказ вызывателя, посвятил в суть вопроса, добавил свои комментарии и замер, ожидая реакции отца.

– Да..., – заманчиво ответил отец, – только, видишь ли, сынок, здесь мы у себя дома, а там, в этой земле, кому мы нужны?!

– Папа, но ведь там у нас будут деньги на подъем, а здесь, когда мы хоть что-то подобное заработаем, сколько пройдет лет? – убеждал Еська.

– Так-то оно так, но все же здесь наша Родина, здесь мы все знаем – обычаи, порядки, природу. А там? – возражал отец.

В голове Якова бурлили мысли, они то вспыхивали ярким пламенем, то гасли падающей звездой. Он понимал, что его старшему сыну хотелось вырваться из беспросветной бедности, ощущать себя более свободным человеком. А если ничего не получится, если эти радужные надежды только на бумаге царского указа да в устах вызывателя, всего-то выполняющего свою работу за деньги. А ты тронешь семью из девяти человек, семеро из которых дети, а старшему всего-то 16 лет. Что тогда? А если ты ошибаешься, и твой старший сын прав, и должно и нужно попробовать, может быть, это шанс для всех нас, и он единственный в этой жизни, а ты его отсечешь, загубишь? Что тогда? А как узнать? Не попробовав, как понять? А пробовать боязно, такая ответственность на твоих плечах. Он взглянул на свою жену Марию, которая из-за тяжелого труда раньше времени постарела, куда-то ушла ее румяная девичья краса, улыбка, руки загрузели и, самое главное, не видно никакой перспективы сегодняшнего положения. Мария и дети его самое большое богатство. Он бился и жил ради них.

– Что поделаться, что? – думал Яков. Наконец он поймал на себе взгляд жены.

– Решать тебе.

Этот взгляд он понимал давно с первых дней совместной жизни. Яков втянул в себя воздух и медленно выдыхая, проговорил:

– Ну, вот что, Еська, завтра сходи в Альхольт, встретишься с вызывателем, я подойду позже, как закончу работу, вечером примем решение... Мария, давай ужинать!

Семья мгновенно ожила и стала привычно занимать свои места за столом...

Циммерманы

Дорога до Санкт-Петербурга показалась довольно утомительной, семья Циммерман, состоящая из пяти человек, двоих взрослых и троих детей, с интересом вглядывалась в чужую страну, в ее просторы, нравы и обычай. Ганс, глава семьи, был отменным плотником, но на родине, в Германии, еле сводил концы с концами, прокормить троих детей было сложно, а с женой, милой его сердцу Матильдой, они мечтали о большом количестве отпрысков. Ганс решился на такое резкое изменение только после совета с женой, он ее очень любил, дорожил ею и поэтому в сложных вопросах всегда прислушивался. Матильда была женщиной, что называется, с характером. Черные как смоль глаза, упругая талия и озорной характер делали ее привлекательной невестой. Но, к сожалению, ее семья не была зажиточной, и потому она могла рассчитывать только на себя. Ганса она заприметила далеко в детстве, уж больно ловко он работал руками, трудолюбивый и доброжелательный, он еще тогда понравился Матильде, хотя она всячески скрывала это. Даже когда от парней стало не продохнуть, а случилось это после наступления 16 лет, когда Матильда расцвела, как нежный бархатный цветок и от нее всюду распространялось благоухание, поражающее парней наповал, то ей стоило немало хитрости и усилий для того, чтобы расшевелить застенчивого Ганса, подвигнуть его на ухаживания, вступление в соперничество с другими крестьянскими детьми с целью завоевания ее внимания. Ганс был застенчив и не так поворотлив, как хотелось, лишь «случайные» встречи и «случайные» разговоры с красавицей Матильдой смогли зажечь робкое пламя зарождающейся любви в сердце Ганса. А это пламя надо было уберечь от встречного ветра, от бурь и порывов, а также от иных неожиданных опасностей на деревенских тропинках. Матильда терпеливо и изобретательно выстилала начальную тропинку их жизненной дорожки россыпью своего смеха, улыбок, движением грациозного девичьего тела. И лишь убедившись, что условия созданы достаточные, предоставила право Гансу действовать самостоятельно. Ганс и не заметил, как в его сердце разгорелось настоящее пламенное чувство к Матильде. Теперь он надеялся только на одно, на ее желание ответить ему взаимностью, теперь он не мог уже отступить, он был готов сокрушить любую преграду на этом пути. Матильда была желанной и труднодостижимой целью. Но это лишь подзадоривало Ганса. И он смело шел вперед, пока не добился сватовства и женитьбы на Матильде. Поэтому, когда семья стала расширяться и средств к проживанию стало не хватать, Ганс ухватился за возможность обустройства на новом месте в России.

– Вот заработаю и вернусь, – планировал он, – и тогда мы заживем!

Наконец они прибыли до места своего расселения – среднего течения Волги, и стали обустраиваться. Благо для трудолюбивого Ганса работы было не то, чтобы достаточно, ее было так много, что делать – не переделать. Колонисты подселились в крестьянских избах местного населения, предстояло построить жилье для колонистов-немцев, вдали от стоящих деревень, на выделенных участках земли. Так как основным материалом был лес, коего было выделено в изобилии, плотницкой работы было предостаточно. Дети Ганса были еще сравнительно малы, мальчикам было по 3 и 5 лет, девочке 7 лет, конечно, работники с них были пока неважнецкие. Пришлось собирать бригаду из местных крестьян и своих соплеменников-колонистов. Спасало умение работать слаженно и верно. Так как Ганс был человеком терпеливым и добросердечным, к нему охотно шли в помощники, ведь иметь хозяина работ незлобивого и справедливого всегда большая редкость. Первым делом на сходе немцев-колонистов поделили границы выделенных земель, расположение административных и вспомогательных зданий общей надобности.

Так рождалось немецкое хозяйство, включающее в себя элементы общего и индивидуального пользования. Начальство, отраженное на положение немцам, всячески старалось помочь, ведь оно отвечало за то, чтобы крестьяне, население укоренилось, расширилось и стало вер-

ными поданными империи. Сами немцы поначалу рассматривали эту экспедицию в далекую Россию, как временное явление, главной задачей которого является благосостояние, способствующее удачному возвращению на Родину с иными возможностями для доживания своего века в сытой и удобной старости. То есть, в основной массе немецкие обездоленные крестьяне и мастеровые прибыли на российские просторы попросту на заработки, на временную вахту.

Вот и Ганс поставил перед собой цель заработать побольше средств и вернуться с детьми и Матильдой в Германию, более мягкую по климату, привычную по мышлению и хозяйствованию. Где, конечно же, будет лучше детям расти в своей среде. Но, как говорится, «человек предполагает, а господь располагает», так и у Ганса работа захлестнула его с головой, по мере накопления колонии соплеменниками он почувствовал комфорт в этом оазисе немецкой культуры на обширных русских просторах. Колорит местного населения не пугал, а даже обогащал. Люди вокруг были отзывчивы и доброхотливы, а блага цивилизации постепенно проникали и сюда. Никаких препонов в развитии местной власти не имели. Дети росли дружными и здоровыми. Матильда расцветала все краше и краше, одним словом, жизнь потекла размеренно и спокойно...

Миллеры

На мелкой речке, одном из многочисленных притоков Волги, в среднем течении располагалась мельница семейства Миллеров. Вся дружная семья была занята работой на ней. Одни обеспечивали подвоз сырья – пшеницы, скупаемой у соплеменников: жителей немецкой колонии, переселившихся сюда в конце 18 века, другие члены семейства обеспечивали сбыт муки, полученной в качестве оплаты помола. Дело спорилось до тех пор, пока русский император Николай II не объявил войну Германии. Сразу же после этого в окрестном коренном народе, испытывающем и без того значительные тяготы и лишения, появилась настороженность по отношению к ним. И хотя зажиточные крестьяне и другие миряне хорошо отличали причину войны, но беднота стала смотреть искоса. А когда ситуация на фронте ухудшилась, из деревень пошел массовый рекрутский набор в действующую армию, от которого немцы-колонисты были освобождены по указу Екатерины II, прозванной в народе Великой, то отношение многих из окружающего населения и вовсе стало недоброжелательным. По слухам, в Санкт-Петербурге даже прошли немецкие погромы. Народ искал причину своих бед и несчастий, пытался заглушить боль от потери сыновей, мужей и отцов. Лишь достойное поведение местного начальства да провинциальная послушность позволяли удерживать ситуацию в норме. Глава большого семейства Иоганн был из мужчин не робкого десятка, смыслённый и предприимчивый, он с детства был приучен к труду. Знал многих успешных немецких колонистов, поставивших свое дело на широкую ногу. Эти примеры были для него притягательные, он стремился к ним и мечтал построить еще несколько мельниц и расширить производство, обзавестись складами и транспортом. Его родственники в Германии, которых он изредка посещал, жили значительно скромнее и не имели больших перспектив. Поэтому Иоганн свое будущее связывал с Россией, не забывая свою историческую родину, благо жизнь немецкой колонии позволяла сохранить историю, культуру и язык своего народа и не давала повода оторванности от него. Вот и сейчас Иоганн вместе с двумя сыновьями и несколькими местными подсобными работниками ловко управлялся с очередной партией поставленной пшеницы, как вдруг неожиданно дверь открылась, и на мельницу вошел Иван – один из подсобных рабочих, воскликнув:

– Хозяин! В Петербурге революция, царь отрекся! Мужики рассказывают, Временное правительство у власти. Что будет, не знаю, мужики говорят, прежние порядки менять будут.

Сердце Иоганна сжалось в предчувствии чего-то смутного, еще неизведанного и поэтому страшного, непредсказуемого.

– Ну, чего ты несёшь? Как это царь отрёкся? Что за новые порядки? Работать надо, вон еще, сколько зерна на телегах. Не мути народ, и так проболтался пол-утра, – ответил Иоганн.

– Так я чё, я же давеча отпрашивался, теперь вот прибег. Правду, мне кажется, говорят, уж больно начальство озабочено, – ответил работник.

Сыновья Иоганна замерли, подняли глаза на отца, как бы вопрошая, что делать-то?

Перехватив их взгляд, Иоганн твердо сказал:

– Ну, чего опешили, работаем, хлеб – он всегда нужен, что бы и где бы ни происходило, работаем, – пробормотал, и, не вдаваясь в подробности, стал подниматься на верхние этажи мельницы. Шаги глухо отдавались под ногами, тонули в общем шуме вращения колеса, движения жернова и шума зерна и пшеницы. Поднявшись наверх, Иоганн всматривался в сторону большака, идущего по дороге на Москву, словно пытался понять, что ждать от своего будущего. Зимой у Иоганна работала мельница, приводимая в движение силой течения реки. Зерно из запасов поступало круглый год, это позволяло обеспечивать работой свою семью и окрестное население круглый год, и вроде бы все наладилось, отстроилось и действовало в привыч-

ном ритме, так надо же этой проклятушей войне начаться, теперь это отречение царя. Столько надежд и планов словно упали на зыбкую почву без фундамента.

– Что делать, – думал Иоганн, – жаль, если все сломается.

Он до боли вглядывался в заснеженную даль большака, словно хотел увидеть, не идет ли оттуда из Москвы, Петербурга какая-либо беда, но лишь морозный свежий воздух отвечал ему покоем и размеренными порывами. В природе ничего, абсолютно ничего не предвещало перемен. Народ вокруг тоже вроде бы всё делал, как всегда, но внутренняя тревожность появилась у всех. Пришла осень, октябрь.

Урожай этого года получился неплохой. Временное правительство вроде бы декларировало неплохие лозунги, но в народе появилось брожение. То там, то тут замелькали агитаторы, ратующие за свержение Временного правительства, окрестные крестьяне стали более жестки и несговорчивы, особенно дерзко вела себя беднота, среди неё появились горлопаны и многого не умеющие, но ратующие за передел собственности, установление других порядков, более справедливых с их точки зрения...

Гееры

Октябрьская революция в России для немецкого населения была как гром среди ясного неба. Вот и для семьи Гееров, Питера и Марии, мелких торговцев, она стала полной неожиданностью. Проживая в немецкой слободе губернского города Саратова, Гееры совсем не строили каких-либо далеко идущих планов. Но неожиданно для себя были вовлечены в самую гущу революционных событий. В городе быстро заполнялся вакуум власти, когда старая власть, не сумевшая сориентироваться и поэтому допустившая полное бездействие, пала, а ей на смену пришла вовсе не окрепшая власть рабочих и крестьянских Советов. Питер считал за благо прикнудиться к инициативной группе, создавшей на базе немецких колоний-поселений Немецкую Коммуну. Эта идея столь понравилась немецкому населению, что она стремительно стала искать поддержку у новой власти, тем более, среди немецких колонистов, как и положено, со временем появилось социальное расслоение, неизбежное по человеческой природе. Одни колонисты стали более успешными, превратившись во владельцев мануфактур и фабрик, другие, менее успешные, выполняли роль наемных работников, профессионалов в своем деле, но не более того. То не хватало таланта на более высокое положение, то попросту не доставало средств для своего внутреннего развития. Так как прежней власти уже не было, а необходимость выживать в новых условиях стала невероятно актуальна, то думы были как у всех людей в подобной ситуации, когда бросить всё жалко, да и не известно, как и на что вернуться в Германию. Жить дальше можно было только приняв новую действительность и найдя место в ней. Обширное местное немецкое население среднего Поволжья к тому времени разрослось и укрепилось, а Советская власть была хрупка и неустойчива. Она явно нуждалась в союзниках любого плана, только бы удержать зыбкую власть. Поэтому создание Немецкой Коммуны было принято большевистской верхушкой «на ура». Среди немцев тоже прошёл раскол на имущих и неимущих. Первые ретировались, так как официальная власть их записала в эксплуататоры. И, следовательно, их имущество подлежало национализации. Но какое бы время ни приходило, любой власти нужны были специалисты, знающие и умеющие наладить любое конкретное дело. Именно здесь и пригодилось умение мелкого торговца Геера Питера налаживать и организовывать доставку и распределение, с элементами торговли, различной продукции, в которой была нужда новой власти. А сюда входило несметное количество разного товара. От продовольственного, до самого что ни на есть разнообразного. И здесь, как нельзя кстати,годились профессиональные навыки Питера и его жены Марии. Нельзя сказать, что Питеру и его супруге новая действительность сильно нравилась. Однако выбирать не приходилось, надо было выживать самим и помогать выживать многочисленным родственникам. Дело, вначале показавшееся непонятным и временным, постепенно становилось интересным. Питера очень ценили новые товарищи, немецкая коммуна крепла с каждым годом, помогала предприимчивость и основательность немецкого характера, те качества, которые, может быть, в других условиях были бы препятствием в развитии, такие, как педантичность и органичность, в данном случае сыграли ключевые роли. В совокупности удачливые решения Коммуны, а также значительное распространение среди немецких коммунаров грамотности и деловитости, подкрепленное ленинским лозунгом «Каждый народ имеет право на самоопределение» и стали краеугольным камнем в основании возможности возникновения в Среднем Поволжье Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья в 1922 году. В это время Питер уже на основании завоеванного авторитета занимал должность в Наркомате промышленности Республики и его личные дела шли как нельзя лучше. Мария стала учителем немецкого языка, у них росли пятеро здоровых ребятшек. Питер и Мария виделись по времени очень мало, всё время отбирала работа, которой супруги отдавались самозабвенно. Однако, устоявшаяся традиция воспитания детей в больших немецких семьях, где роль старших, как

и уважение к ним, традиционно были высоки, позволяла совмещать удачный карьерный рост с должным воспитанием детей. Мария и Питер были крепкой семейной парой, сдержанно эмоциональной, ограничивающей проявление обоюдной симпатии достаточностью и необходимостью, умеющей сдерживать чувственные проявления в рамках дозволенности и благоразумия. Создавалось впечатление о том, что семья Гееров живет строго по определенному сверхциркуляру, не позволяющему никаких вольностей. И хотя иногда казалось, что такая жизнь довольно однообразна...

Иван Елисеевич

Маленькая уездная станция встретила их почти полным безмолвием. Поезда ходили очень редко, их расписание постоянно менялось. Скромность неспешной жизни уездного городка ощущалась буквально во всем. В неторопливой походке станционных работников, в раздумчивых разговорах малочисленных пассажиров. Иван с семьей вошел в здание вокзала и, подойдя к билетной кассе, спросил:

– Когда будет ближайший поезд до Самары?

Кассир, женщина преклонного возраста, бегло взглянула на расписание движения поездов и, сочувственно глядя на усталое лицо пассажира, учтиво ответила:

– Ближайший поезд до Самары будет в пять утра.

Иван взглянул на станционные часы. Они показывали девять вечера, ну что ж, подумал он, хорошо, не так и долго осталось ждать.

– Дайте мне два взрослых и один детский.

Кассирша выдала ему билеты, и он поспешил к семье. На скамеечке его ждала женщина с ребенком, они явно были измучены дорогой, лица отливали серой дорожной пылью. Анастасия – так звали жену Ивана – держала на коленях дочку Фросю, красивую девочку лет семи-восьми, она прижималась к матери и, казалось, всем своим существом пыталась раствориться в ней, как в надежном убежище от всех внешних угроз и неприятностей. Иван очень любил дочку, но в силу своего крутого нрава не всегда мог выразить свою любовь языком, понятным ребенку. Фрося тоже любила отца, но часто его стерегла, так как он многое контролировал в их с мамой жизни. Его надо было слушаться беспрекословно и быстро, чего она в силу своего детского характера не всегда успевала. Мама, напротив, была всегда ласковой и долготерпимой, с ней было спокойно и безмятежно, конечно, если было сытно. Фрося отличалась цепким умом, была сообразительной девочкой и обладала редкостным трудолюбием. Красивые серые глаза Фроси часто смотрели на ее сверстников как-то излишне строго и даже как-то колюче, словно пронизывали собеседника насквозь. Редко кто мог выдержать этот строгий взгляд. Сверстники старались с ней держаться осторожно, особенно в начале знакомства. Обладая приятной внешностью, она притягивала к себе друзей, которых близко подпускала крайне медленно и очень осторожно. Отец ценил эти качества в дочери и всегда доверял ей даже уже вполне взрослые заботы, чем Фрося дорожила, изо всех сил стараясь не подвести отца.

Пристроившись на скамью рядом с женой, Иван сообщил ей о поезде в пять утра. Хотя в здании вокзала было прохладно, но всё-таки гораздо лучше, чем на улице. Осень 1933 года выдалась сырой, то и дело шли осенние затяжные дожди, дороги и тропки маленького городка превращались в непролазное месиво, ходить, а тем более ехать на любом транспорте было крайне затруднительно. Дорог ведь почти не было, и хотя Атбасар славился конными ярмарками, но мероприятие это было сезонное, проходило раз в год, все же остальное время городок жил тяжелой размеренной жизнью, в ожидании своего очередного рассвета. Анастасия взглянула на мужа, на его усталое лицо и сказала:

– Вань, давай перекусим, тебе нужно отдохнуть.

– Хорошо, давай – ответил Иван и, ласково взглянув на нее, стал расстилать между дочерью и женой запасённую впрок старую газету. Нехитрая провизия состояла из сала с черным сухим хлебом и лука, приобретенного здесь же, у местных жителей. Кипяток взяли у дежурной по вокзалу. Хотя ужин и не отличался обилием, но это было достаточно хорошее питание. В особенности, на фоне всепроникающей нужды в обществе. Бережно сложив остатки пищи в старый армейский мешок, Анастасия положила девочку головой к себе на колени. Мягкая ласковая рука матери коснулась ее головы.

– Спи, Фросенька, спи, до поезда еще далеко, спи.

Девочка охотно растянулась на скамье. Мягкое материнское тепло растеклось по всему ее телу, наполнило ее любовью и заботой, принятая пища расслабляла, и девочка вскоре уже спала крепким сном уставшего от дневных забот ребенка. Иван сидел рядом с Фросей, ее ноги легли на его колени, он поглаживал ножки дочери и напряженно о чем-то думал.

– Ты подремал бы, Ваня, – обратилась к нему жена, – что ты все думаешь о чем-то, тебе нужно отдохнуть. Поспи, я посижу, покараулю.

Иван благодарно улыбнулся.

– Да нет, Настя, отдохни, пока Фрося спит, вижу, как вымоталась вся. Отдохни, я посижу, чего-то не спится. Давай, давай, подремли, я пригляжу за вами.

Настя покорно кивнула головой, она знала, спорить с мужем бесполезно, если что сказал – надо делать. Благо его строгость всегда компенсировалась его же заботливостью. Вскоре Иван услышал спокойное и мягкое сопение Насти, жена спала, уверенная в надежности своей с дочерью защиты. А Ивану было о чем подумать. Скупой на внешнее выражение своих тревог, он всё-таки крайне переживал о будущем своей семьи. Его отец – потомственный казак Елисей, в конце 19 века был отправлен с семьей в Западную Сибирь, где влился в Сибирское казачье войско, выполнявшее задачи по укреплению и обустройству земель Прииртышья. Иван продолжил дело отца, служил в Сибирском казачьем войске. Февральская революция застала его врасплох, как и многие из его товарищей, он не втягивался в политику, спокойно занимался тем, что знал и умел, а именно земледелием, да столярничал. Но так как служба с его характером давалась ему легко, то он быстро дослужился до офицерского казачьего звания, чем и был умеренно доволен. И всё-таки к службе Иван относился как данной от бога повинности, а душа его пела, когда он столярничал – изготавливал мебель. Особенно ему нравилось ее делать сослуживцам, родственникам, знакомым, это придавало особый смысл труду, грело память.

Армия Колчака, куда он был призван, поначалу успешно наступала, но неоправданной жестокости было в ней более чем достаточно. Разрыв между офицерством и солдатом был колоссален. Долгое время живя в Сибири, Иван привык к особенному характеру этих земель, широте и богатству мест, сплоченности жителей. Сибирь сближала людей разной национальности и вероисповедания, суровая природа не позволяла выживать, не помогая соседу, путнику, даже сопернику, а подчас и врагу. Здесь сложилась особенная культура, особенный характер, особенный тип жителя этих мест. Тесные связи возникали между крестьянами и казаками, между местным самым разнообразным населением и пришлыми людьми. Так у Ивана появился друг Михай из крестьян.

Эта дружба, как часто бывает, зародилась из жёсткого соперничества двух пацанов, затем подростков и, наконец, молодых мужчин. Михай был высокого роста, белокурый и широкоплечий, он легко стал лидером в своей деревне среди равных себе. Для Ивана лидерство никогда не было самоцелью, оно рождалось естественным путем. Первое знакомство будущих друзей произошло неожиданно, во время рыбалки. Крестьянские ребята выуживали раков на старице реки Иртыш, когда к этому же месту подъехала на конях казачья ватага. Обычно крестьянские дети не вступали в спор с ребятами-казаками. Но в этот раз все пошло не по привычному сценарию. Старший среди казачат, черно смольный Григорий, уверенным тоном гикнул тогда:

– Бегите отсель, пока мы добрые.

Вопреки сложившейся практике крестьянские дети собрались в кучку, из них вышел белокурый паренёк и, скрестив на груди руки, заявил:

– Сами бегите, это общая земля, мы первые пришли, вас не ждали.

Григорий тогда направил на наглеца коня, он вообще был горяч, да и не принято было казачеству уступать, тем более крестьянам. Но наглец не только не струсил, но и смело сделал шаг по направлению к нападавшему. Иван схватил лошадь Григория под уздцы, тот вопроси-

тельно взглянул на Ивана. Иван с детства чувствовал любую несправедливость. Тогда он тоже почувствовал то, что они не правы.

– Ты чего, на лошади на пешего, что ли?

Григорий тогда смутился, и, хотя он был старший, но с уважением относился к Ивану, знал твердость его характера. Как-то надо было разрядить ситуацию Иван тогда понимал – еще минута, и крестьянские дети будут опрокинуты лошадьми. Он обратился к выступившему из крестьянских детей. Спросил, как его зовут. Тот, гордо откинув голову, ответил:

– Михай я.

Тогда Иван посмотрел ему в глаза с некоторой угрозой и спросил, что он предлагает. Михай, широко расставив ноги, выкрикнул:

– Выйдем один на один, кто победит, тот и остается.

Тогда у Ивана не осталось выбора, он этот разговор затеял, ему и пришлось разбираться. Дрались честно, только осилить друг друга не могли, оказались равней. Усталые и злые, но не уступчивые, тяжело дыша, всматривались в глаза друг друга, несколько раз сцеплялись с тем же результатом. Иван видел то, что Григорий вот-вот готов был спустить лошадей, смять крестьян. Иван красноречиво на него не раз подымал взгляд, и это возвращало Григория к благоразумию. Когда выбившись из сил, Михай и Иван, еле удерживаясь на ногах, а по сути удерживая друг друга, в очередной раз встретились глазами, Михай сказал ему:

– Поди, ничья, что ли?

Иван отказался принимать ничью и ответил:

– Продолжим.

Они еще несколько минут отчаянно толкались, пытаясь зацепить друг друга хлестким ударом, потом, одновременно повернувшись к своим, почти одновременно сказали:

– Уходим.

Тогда в воздухе повисла пауза, и крестьяне, и казачата замялись, никто не понял, на чьей стороне правда, кто победил, а кто уступил. Михай уловил это замешательство и усталым голосом сказал:

– Ладно, буде, давай вместе рыбачить, че, места мало, че ли?

И протянул Ивану руку. Крепко сжав руку Михая, Иван тогда дал ему понять, что он не уступил, но считает продолжение выяснения правоты друг друга глупым и бесполезным занятием. И хотя Григорий всем своим видом выражал недовольство, но и он, чувствуя правоту ситуации, согласился с необходимостью ее завершения миром.

В тот день и началась их с Михаем дружба, в истоках которой бежала красивая речка – Старица, да сияли разбитые носы и фингалы под глазами. В своей жизни Иван не раз убеждался в том, что не все то, что начинается с напряжения, несет затем плохое, либо порочное. Чаше случалось наоборот, вроде бы и дело-то успешное, но не успев начаться, приводит к катастрофическим последствиям в своем итоге. Волна октябрьской революции, стремительно начавшаяся в Санкт-Петербурге, дошла и до Омской губернии, дороги старых друзей пошли по разным направлениям: Иван был призван в армию верховного правителя Колчака, следы Михая затерялись.

Судьба снова свела их у поселка Исилькуль. Как-то на очередной стоянке для отдыха вверенный под начало есаула конный отряд был привлечён для конвоирования в Омск красноармейцев. Пленные передвигались на подводах, по обе стороны колонны двигались казаки ивановского отряда. День катился к закату. У начальника конвоя, подпоручика Лейбовского, Иван поинтересовался составом конвоируемых и их дальнейшей участью. Тот охотно ответил на вопрос. Среди конвоируемых были солдаты, дезертировавшие из армии Колчака, а также командиры и солдаты-красноармейцы, потерпевшие поражение под Петропавловском. Их ожидал военный трибунал, так как у верховного должно быть все по закону, констатировал свою речь подпоручик.

Проезжая мимо очередной подводой, Иван обратил внимание на связанного и лежащего на боку красноармейца с отличительной нашивкой на рукаве, измождённое лицо было знакомо. Иван присмотрелся и узнал своего друга Михая. Правда, Михай не подал и вида, что тоже узнал Ивана. Вечером, на стоянке, они долго говорили о революции, о выборе каждого ее сторон, о правде и неправде, о правоте тех и других. Ивану запомнились основные эпизоды их разговора. Так, к примеру, на вопрос Михая, почему он, Иван, служит Колчаку, Иван прямо ответил, что он присягал царю и отечеству, и выполняет свой долг перед Богом и людьми. Он служит России, как служили его деда и прадеды. Он присягал ей на верность, а революция открыла дорогу немцам до самого Петербурга. Это грозит потерей ее самостоятельности, распаду и расчленению, охотников к тому великое множество. Михай спросил его, почему же столько карательных операций проводят белогвардейцы против несогласных крестьян. Почему на стороне Колчака столько чужих, охочих до Российской земли. На севере англичане, на востоке японцы, даже в Сибири французы, чехи, кого только нет. Неужели они пекутся о нашей России? Интервентов столько, что диву даешься. Кого они хотят обмануть, они радеют за русскую землю? А Колчак, он на какие деньги воюет, и чем будет расплачиваться? И неужели Иван надеется, что именно они – белое движение – будут управлять Россией? Ивану и самому не нравились в принципе карательные операции против собственного народа, но он находил им оправдание в велении военного времени. А вот противопоставить что-либо иностранной интервенции и ее целям он не смог. Получалось, что красные как бы за Россию, а они против?! Он не мог не видеть того, что многие офицеры, вплоть до высших, стали переходить на сторону красных, и несли с собой богатейший боевой опыт. Что ими двигало, думал Иван и верную ли сторону я выбрал? Тогда Иван задал вопрос Михая о том, что красноармейцы не прислушиваются и к священникам, на что Михай парировал ему ответом, что священники в массе своей перестали видеть бедственное положение народа, его проблемы часто остаются незамеченными, а призывы к бесконечному терпению часто не касаются их самих. Они не выходят на заступничество, даже если видят несправедливость властей или конкретных людей, облеченных властью. И народ перестает им верить. Война, в которую втянули Россию, одним позволяет наживаться, а других гонит на убой и сиротит семьи. И хотя Иван каждому доводу Михая находил контраргументы, но и не мог не видеть голой правды.

Иван и сам считал, что России эта война была не нужна, видел то, что внутреннее противостояние русского народа на руку только его врагам. Он не был согласен с гражданской войной, был глубоко убежден в том, что в ее пламени погибнут лучшие представители этого народа, а уцелеют лишь те, кто так искусно могут менять свой окрас в зависимости от окружающей среды. Время хамелеонов, приспособленцев, и всякой, всякой непоследовательности. Тогда он смотрел на Михая и понимал, он не отступит, погибнет, но не сдастся, как тогда на рыбалке. Михай, Михай, думал Иван, как же быть, оставить – погибнешь, что трибунал, его решение – только видимость порядка. На самом деле это тупая машина убийства. Что ей человеческая жизнь? Лишь один из множества эпизодов, и только! Тогда он думал, как спасти друга, как ему помочь? Наверное поняв, о чем он думает, Михай сказал, как будто освобождая совесть Ивана:

– Ты ничего не думай, иди, служи, не рискуй, вдруг ничего не выйдет, погубишь и себя, оба в итоге сгинем, а так-то, глядишь, хоть ты уцелеешь. – И после минутной паузы добавил: – моим, если че, помоги, и буде, прощай.

Вернувшись в расположение своего отряда, Иван никак не мог уснуть, перебирал разные планы спасения друга, но так ничего и не придумал тогда. Утром был ожидаемый трибунал и ожидаемый приговор – расстрел. Командиров-красноармейцев расстреливали отдельно от рядовых, это была их единственная привилегия. Тогда он действовал спонтанно, на свой страх и риск. В леску, за ложбиной, привязал коня, напросился посмотреть на казнь и вместе с подпоручиком, взяв двух казаков, отправился к месту казни. Когда он увидел Михая, ему

удалось сообщить ему о лошади, ложбине и скрытно сунуть Михаю нож. Как только расстрельная команда приготовилась к стрельбе, Иван ткнул соседнюю лошадь своего казака шилом, та взвилась от боли, сделала прыжок, расстрельная команда рассыпалась, опасаясь увечья. Михай сообразил, в чем дело, и бросился бежать к леску. Подпоручик выхватил наган с намерением пресечь побег беглеца. Секунды решали исход дела. Иван поднял своего коня на дыбы и с криком «Не стрелять!» бросился в погоню за Михаем. Тогда он старался лошадю и собой перекрыть сектор обстрела пути, по которому бежал Михай. Тот бежал что было мочи, лесок он достиг быстро. Иван, догнавший его у леска, выхватил шашку и крикнул:

– Как пройду над головой, падай и лежи, потом поползешь к лошади!

С этими словами он просвистел шашкой над головой Михая, тот упал. Сделав вид, чтобы со стороны казалось, что он вытирает шашку о траву, Иван вложил ее в ножны, вскочил на коня и рысью вернулся к расстрельной команде. Подъехав к ним, угрюмо произнес:

– Кончено.

Подпоручик не имел никакого желания идти убеждаться в этом, он равнодушно посмотрел на лесок, махнул на него рукой и отдал команду солдатам возвращаться в расположение. Иван также забрал своих подчиненных и вернулся в расположение. Всем было абсолютно безразлично, погребен ли казненный, никто из присутствующих на расстреле не хотел обсуждать случившееся в опасении последствий.

В период отступления Колчака моральный дух в войсках стал стремительно падать, иногда целые подразделения переходили на сторону Красной армии. Этому способствовали тайная пропаганда между солдатами, нехватка боеприпасов и вооружения, невыполнение союзниками своих обязательств и, конечно, элементарная усталость от гражданской войны. Не было исключением и моральное состояние в подразделении, которым командовал Иван. Все чаще они оказывались в пекле, в том числе в окружении, из которых все труднее было выходить. Теряли людей, испытывали нехватку в пище. Однако казачьи подразделения армии отличались стойкостью и надежностью, сказывалась многолетняя выучка и вскормленное с молоком матери понятие казачьей чести. Иван воевал доблестно и твердо, имел награды за отвагу от верховного, однако эта братоубийственная война угнетала все больше и больше. По армии поползли слухи о красном терроре, которому подвергались, в том числе, близкие родственники членов белого движения, эти слухи часто обрастали самыми ужасными подробностями. Иван переживал за близких. Армия верховного несла поражение за поражением, казалось, уже нет сил отразить натиск наступающей Красной армии. Враги были повсюду, не единожды в тылу вспыхивали восстания и бунты крестьян и рабочих. Это действовало на воюющих особенно угнетающе. Казалось, сама земля уходит из-под ног. При отступлении с Омска – столицы, по сути, на тот период белой России – конный эскадрон Ивана попал под удачно замаскированный огонь пулеметных расчетов и артиллерии красных. Уцелели немногие.

Находясь в плену, в бараке, Иван долго размышлял об этой войне, ее целесообразности, значимости для России и ее будущего, рядом находились подчиненные, которых он вел в бой, по его воле они сейчас здесь и, скорее всего, их участь незавидная. Его взгляд часто устремлялся в прошлое, выискивая там ответы на настоящее и ища дорогу в будущее. Потом бесконечные допросы с пристрастием, упадок сил и стремлений к жизни, то хотелось, чтобы быстрее все закончилось. То, напротив, охватывала злость и жгучее стремление вырваться из плена и мстить, мстить, мстить!

Так продолжалось около недели. Пропагандисты, беседующие с пленными, всячески старались склонить последних на сторону большевиков, призывали бороться за справедливость, равенство и братство, против угнетения и за светлое будущее родины нашей, России. Если это не помогало, людей попросту расстреливали. Их расстреливали и с этой, и с той стороны, их вели за собой лидеры, преследующие свои собственные, понятные только им цели, которые щедро, словно охапку дров, подкидывали в топку этого разогнавшегося локомотива расходный

материал – собственный народ – ради такой высокой идеи с той или иной стороны. И всему было объяснение, всему оправдание, всему причина, каково, думал Иван, как ловко-то!

В начале второй недели в барак вошел военный человек в кожаной куртке со скрипом в сапогах и уверенной походкой. Он медленно продвигался по бараку, стараясь внимательно всмотреться в лица пленных, проходя мимо Ивана, военный задержался, покачал головой и, не окончив начатый осмотр, спешно вышел вон. Что-то очень знакомое в нем показалось Ивану, но свет бил в лицо, за спиной вошедшего было солнце, и Ивану не удалось его рассмотреть. Через некое время Ивана вызвали на допрос. Он уже не боялся этих жестоких процедур, они были данностью, и от них некуда было деться. Войдя в комнату допросов, Иван остановился на середине. Прозвучало:

– Свободны, вас вызову!

Конвоиры вышли в соседнее помещение, в комнате остались двое: военный в кожаной куртке и военнопленный Иван.

– Садись Иван, – сказал ему человек в кожанке. Иван сразу узнал Михая. Они поздоровались за руку. – Я искал тебя, – продолжал Михай, – увидел тебя в списках военнопленных. Знаю, воюешь хорошо, жаль только, не за тех, за кого надо.

Они проговорили до самой темноты. Михай старался убедить Ивана перейти на сторону Красной армии.

– Нет, – ответил Иван, – не могу сказать того, что мои во всем правы, есть и откровенные сволочи и подонки, но страна у меня одна, я ей присягал, ей и служить буду, а что до моей шкуры, то умирать рано или поздно придется всем, не избежишь смерти-то.

– Так-то оно так, да ты, Иван, смотришь назад, а я тебе будущее показываю, да и мужик ты хороший, проиграете вы, против народа идете, а так нельзя.

Они еще долго обменивались спорами, но так и ни к чему не пришли. Беседу прервал сам Иван просьбой отпустить его в барак.

– Дурак ты, – в сердцах сказал ему Михай, – ладно, буду думать, как тебя отсюда вытащить, иди пока.

Думать Михаяю не пришлось, ночью пехотный полк, прорываясь из окружения, натолкнулся на их барак, и Иван был освобожден. Только радость его была недолгой. По пути отступающих разрозненных подразделений все чаще встречались следы мародерства, грабежа и бесчинств. Загнанные в угол солдаты превращались в озлобленную неуправляемую толпу вооруженных людей. Иван, сколько мог, пресекал варварские начала в пехотных частях. У самих казаков это было недопустимо, так как кроме общевоинских законов еще действовали казачьи уставы и наставления, в частях служили соседи, станичники и попросту родственники, не разгуляешься, но братоубийственная война делала свое дело, и в казачьей среде стали появляться бреши, в которые сразу же устремлялась всякая грязь. А вот с дисциплиной в красных частях становилось все лучше и, как следствие, народ потянулся именно к ним, перевес становился все ощутимее, влиятельнее, явнее.

Последней каплей послужила карательная операция против маленькой деревеньки, затерянной в таежной глуши. Когда на марше Иван со своими подчинёнными увидели последствия этой операции, то их оставили все сомнения. Особенно не сговариваясь, они полным подразделением перешли линию фронта. В то время у военачальников Красной армии не было времени сильно фильтровать да проверять перешедших на их сторону, ибо фронтов было много, а людей и вооружения мало. Потому перешедшее подразделение, как правило, бросалось на опасный и крайне тяжелый участок фронта, где и проявляло себя полностью, при этом сразу решалось несколько задач: шла проверка на сознательность и преданность, и уменьшалось количество голодных ртов. Часто вчерашние товарищи по оружию встречались в смертельной схватке на поле брани, и тут уже было не до компромиссов. Одни для своих бывших товарищей – предатели, другие – упертые враги, где уж здесь до человеколюбия и всепроще-

ния. Иван воевал хорошо, чужой крови зря не лил, старался везде, где было возможно, решать все с позиции справедливости и взвешенности, чем и снискал себе добрую славу подчинённых, в основном казаков, хотя к концу 1920 года в эскадроне под его началом было немало сибиряков из крестьян.

В этом же году его подразделение влилось в бригаду под командованием Михая, чему оба были несказанно рады. В конце того же года Михай пошел на повышение и оставил бригаду своему заместителю, Ивана же командарм назначил заместителем комбрига. Судьба свела их вновь в 1933 году, в это время Иван руководил МТС в Исилькульском районе Омской губернии, был женат, имел дочь восьми лет, и давно позабыл свое военное прошлое. Михай же закончил школу реввоенсовета и прибыл в Омск очищать губернию от контрреволюционеров.

Был теплый осенний вечер, колхозники торопились завершить полевые работы. С закатом к МТС подъехал автомобиль, из него вышел широкоплечий мужчина и направился в главное здание. На подходе к нему они и встретились. Радости Ивана не было предела. Приезжий же вел себя сдержанно, эмоций не проявлял и, тихо отстранив объятия Ивана, шепнул:

– Пройдем с глаз, есть разговор.

Когда они зашли за стену здания, крепко обнялись. Иван настороженно спросил:

– Ты чего?

И тогда Михай ему рассказал о том, что по заданию ЧК по Сибири прибыл в Омск, в местное отделение, выкорчевывать контрреволюцию из районов Омской губернии. Подготовлены списки и досье на людей неблагонадежных, имевших отношение к белой армии или к бывшей власти.

– Такое дело лежит и на тебя, Иван, утром тебя заберут, боюсь в итоге расстреляют как бывшего казачьего офицера.

Михай предложил бежать с семьей через казахские степи на Украину и там спрятаться. Михай с горечью смотрел в глаза Ивана, когда-то поверившего советской власти.

– Прости, это все, что я могу для тебя сделать. У нас в ЧК хватает дуроломов, они ни перед чем не остановятся, лишь бы выполнить установку, врагов найдут там, где их и нет. Не рискуй, Иван, у тебя семья, я-то один, и то боюсь их рвения, ты пойми меня, система – ее не сломать. Плетью обуха не перерубить, беги ночью, никого не предупреждай. Может, свидимся еще, вот тебе бумага на жену, думаю, поможет при случае. Прощай! – с этими словами Михай зашагал прочь, сел в авто и быстро скрылся из вида.

Ночью Иван снарядил подводу, побросал нехитрый скарб, полевыми дорогами двинулся в сторону казахской степи. И вот теперь он сидит на этой станции в ожидании поезда, с тревогой в сердце и с полной неизвестностью о своем будущем. Жена, уютно уткнувшись в плечо, мягко и вкрадчиво плыла на волнах сновидений, ее рука бережно прикрывала голову спящей Фроси, периодически соскальзывала вниз, пугая хозяйку. После очередного такого соскальзывания Иван ласково взял руку жены и удобно уложил ее рядом с головой дочери. Анастасия на минуту открыла глаза и улыбнулась мужу

– Спи, спи, – повторил ей Иван, – я слежу.

Примерно часа в три ночи зашевелилась Фрося, затем открыла глаза и сказала:

– Пап, мне надо в уборную.

Осторожно высвободив плечо из-под Насти, Иван поднялся, взял воинский мешок, подал руку дочери и тихо произнес:

– Пошли, только быстро!

Они спешно направились к выходу и вскоре снова вошли в здание вокзала. Иван посмотрел на спящую жену, потянулся и шепотом сказал дочери:

– Ложись, спи.

Но Фросе отчего-то не спалось, она крутилась, пытаясь устроиться поудобней, но сон так и не шел, словно вовсе растворился в зябкой осенней пелене. Усталость брала свое, и Ивана,

помимо его воли, клонило ко сну все больше и больше. Видя, как мучается отец, Фрося взяла его за руку и с детской непосредственностью произнесла:

– Пап, ты поспи, я выпалась, спать не хочу, я посторожу нас.

Отец улыбнулся, ему была приятна эта забота, это усердие маленького человека в стремлении оказать посильную помощь своему отцу. В конце концов сон настолько сковал все тело Ивана, что он решился и сказал дочери:

– Лады, дочка, я посплю часок, но смотри, ты обязательно разбуди меня через час, не больше, да смотри сама не засни, если вдруг захочешь спать, буди меня немедленно, хорошо?

Фрося с радостью закачала головой в знак согласия. Через несколько минут и Иван, и Анастасия спали глубоким сном. Как только вокруг Фроси засопели два ее родителя, один слева, другой справа, ей самой сделалось столь хорошо, что она и не заметила, как предательский сон прокрался в ее детское тельце, схватил в свои цепкие объятия и убаюкал в этот ранний рассветный час.

Когда семья в полном составе безмятежно спала на вокзальной скамье, в здание, крадучись и неслышно ступая, вошел низкорослый молодой человек. Он беглым взглядом пробежал по пассажирам и их вещам. Затем выхватил из присутствующих спящую семью Ивана, прошелся раз-другой мимо, оценил обстановку и уселся на скамью напротив. Перебрав все возможные варианты и убедившись в их безопасности для себя, он ловким движением вытянул воинский мешок, залез во внутренний карман Ивана и, вытащив его содержимое, торопливо зашагал прочь из здания.

Резкий гудок паровоза пробудил Ивана, он проснулся, посмотрел на часы, услышал приближение к станции поезда и стал будить своих девочек.

– Настя, Фрося просыпайтесь, поезд, нам пора, – его взгляд скользнул по скамье в стремлении увидеть воинский мешок, и тут же неприятный холодок стал предательски вползать в его сердце, захватывать грудь и разливаться неприятной прохладой по всему телу. Мешка нигде не было. Сохраняя последнюю надежду, Иван заглянул под скамью, осмотрел пространство вокруг, ничего, пусто. Иван потянулся к своему внутреннему карману и обомлел. Карман был пуст. Обворовали, стучало в висках, ах ты, как же так, проворонили. Что теперь?

Настя взглянула на мужа и моментально все поняла, ужас охватил ее женское сердце. Что теперь делать, что с ними будет?

– Фросенька, – обратилась она к дочери, – ты мешок папин не видела, папа не может его найти?

Фрося повела глазами вокруг, мешка нигде не было, и тут она поняла то, что она уснула и прокараулила папин мешок. Теперь и ее охватил ужас от того, что она проспала, от того, что она так подвела отца и просто от неизвестности. Фрося подняла глаза на отца, ее взгляд был умоляющим, бесконечно виноватым, отец смотрел строго и холодно. На лбу выступил пот, он явно волновался, но не хотел подавать вида.

– Посидите, я пройдусь вокруг.

Иван встал и быстрым шагом зашагал по направлению к выходу на привокзальную площадь. В голове крутилось, может, недалеко ушел, может, узнаю, увижу, мешок-то приметный, не один день со мной, перехватить бы, успеть. К сожалению, его поиски не дали результата. На этой маленькой станции Атбасар они остались ровным счетом без ничего. Без еды, без денег и без документов. Приближался рассвет нового дня с неясными перспективами и полной неопределенностью.

Вернувшись в здание вокзала, Иван подошел к семье и? обращаясь к ней, воскликнул:

– Ну, что ж, будем начинать здесь, выхода нет, давайте покумекаем.

Он обнял жену и ласково погладил Фросю по голове, произнес:

– Эх, мы, раззявы, ну, ничего, главное, вместе. Да, дочка?

Выходя из вокзала, Иван первым делом поинтересовался, есть ли в городке базар и где он находится. Получив необходимые сведения, он направился с семьей в сторону базара в надежде получить там, на месте, необходимые сведения. Анастасия во время ходьбы лихорадочно шарила по всем своим карманам, пока случайно не наткнулась на свою справку о том, что она пострадала от белогвардейского террора и нуждается во всяческом содействии советской власти в местах обращения.

– Ваня, я справку нашла, – сказала она, протягивая ее мужу. Справка была единственным документом, которым обладала семья на данный момент времени. Именно с нее и надо как-то начинать, подумал Иван. Он еще и еще вчитывался в строки справки, перебирал возможные варианты ее использования. И наконец-то определившись, обратился к первому встречному.

– Уважаемый, не подскажете, как пройти к совету народных депутатов?

Прохожий, мужчина лет 40—45, в форменной одежде железнодорожника, поспешно указал Ивану на ближайшее к станции казенное здание, где и располагался Атбасарский районный совет. Ведомая Иваном семья зашагала в указанном направлении.

– Настасья, – обратился Иван к жене, – послушай меня внимательно. Анастасия подняла взгляд на Ивана и приготовилась внимательно его слушать. – Мы крестьянская семья с Омска, приехали сюда к своим родственникам по линии отца и в надежде более сытной жизни. Родственник, к сожалению, уехал на Украину, мы об этом не знали, на станции нас обворовали, украли документы и деньги. Вернуться назад нам не на что и есть тоже нечего. Из документов случайно осталась только эта справка. Мы вынуждены просить содействия в работе, жилье и пропитании. Ты поняла меня Настасья?

– Да, – взволнованно ответила Анастасия, – поняла. Иван, ты хочешь остаться здесь, но ведь это омская губерния, тебя наверняка будут проверять, и это так близко, что, если нас найдут? – закончила она.

– У нас нет другого выхода, – отвечал Иван, – ехать дальше не на что, есть тоже нечего, надо попробовать затеряться здесь. Они, скорее всего, будут искать нас по крупным станциям, по дороге на Украину, эта станция очень мала, наверняка сведения сюда приходят с большим опозданием, если приходят вообще. Думаю, здесь не самый оживленный городок на нашем пути. Твоя справка может сыграть огромную роль для нас, надо пробовать. Хорошо?

– Хорошо, Ваня, делай как знаешь, – ответила растерянная Анастасия.

– Вот и ладно. – Иван повернулся к дочери и ласково спросил: – Фрося, как твоя фамилия? и, прежде чем ребенок успел ответить, произнес: – Правильно, дочка, Никоненко. – Изумленные глаза Фроси продолжали судорожно хлопать ресницами, она было попыталась возразить отцу, но, встретив его суровый взгляд, покорно повторила: – Никоненко.

– Вот и ладно, дочка, что ты хорошо помнишь нашу фамилию, молодец!

Фросе безумно хотелось спросить отца, почему они должны так говорить, но чувство вины за то, что она проспала и прозевала воровство, подсказывало ей необходимость слушать отца беспрекословно. В здании совета народных депутатов их встретил дежурный истопник и охотно проводил в кабинет председателя райисполкома. Оказавшись в кабинете, Иван с искренней настойчивостью изложил ему нехитрую историю кражи на вокзале и, представив справку жены, попросил о содействии в их судьбе. Во время рассказа в кабинет вошел вооруженный человек, как оказалось, начальник здешней милиции Спиридон Иванович, чем не преминул воспользоваться председатель, явно куда-то спешивший.

– А, Спиридон, заходи, заходи, скажи мне, когда ты наведешь порядок у себя под носом?

– А что случилось? – недоуменно спросил вошедший.

– Что, что, – продолжил председатель, – грабят у нас на вокзале, вот опять обворовали семью! Все документы и деньги свистнули. Каково?

Председатель, укоризненно покачивая головой, вопросительно мерил с ног до головы начальника милиции. Спиридон осмотрел присутствующих в кабинете и грозно спросил:

– Почему на станции сразу не обратились? Может, и поймали бы лиходея.

Иван, повернувшись к начальнику милиции, спокойно проговорил:

– Так мы не сразу-то поняли о краже, на базар решили перед поездом сходить, за продуктами, там и обнаружили пропажу. А как поняли, что произошло, то пошли в горсовет, к советской власти, куда еще-то?

– Ты, Спиридон, на них не кичись, обратились, не обратились, сразу или потом! Они и так пострадали от всякой нечисти. Наша с тобой задача – содействие да участие к этой семье проявлять, на-ка, почитай, – с этими словами председатель протянул начальнику милиции справку Анастасии.

Начальник быстро пробежал по справке, остановил свой взгляд на Омской печати и уважительно вернул председателю. В кабинет вошла секретарь и, обращаясь к председателю, торопливо сказала, что к заседанию все готово, народ уже волнуется, что им сказать? Председатель вспомнил о назначенном им же самим совещании и, повернувшись в сторону секретаря, произнес:

– Вот что, Люба, возьми под контроль этих товарищей, займись их обустройством. Подыщи работу какую. Вечером мне доложишь, поняла?

– Хорошо, – ответила Люба.

– Вот что, товарищи, оставляю вас в надежных руках своего секретаря, если будут какие-то сложности, милости прошу. Да, Спиридон Иванович, ты тоже помоги, выправи им документы. Не затягивай.

Спиридон охотно кивнул головой и поспешил за выходящим председателем. По пути в красный уголок, где и проходило совещание, председатель с долей раздражения сказал:

– Спиридон, ну, наведи ты порядок на вокзале, городок с гулькин хвост, постоянно воруют, пассажиров обворовывают, что, нам ждать какой-нибудь выволочки сверху, что ли, ну, стыдно уже, я тебя в начальники милиции рекомендовал, как сметливого и верного большевика, вычисти всю эту заразу, наведи порядок, прошу!

– Да я ж стараюсь, уже и соглядатаев приставляю, поймать не могу, больно ловкий кто-то, – отвечал начальник милиции. – Наведу порядок, обещаю, дай еще чуток времени-то.

– Добро, добро, ладно, пошли, и так дел полно, – с этими словами председатель потянул на себя ручку массивной двери красного уголка, и они вошли в зал заседаний.

Оставшись наедине с семьей Ивана, секретарь председателя стала расспрашивать у Ивана, какой профессией он владеет, какой профессией владеет его жена Анастасия, сколько лет их ребенку и другие анкетные данные. Так, в течение каких-то неполных двух часов она составила для себя полную картину о семье Никоненко Ивана Елисеевича, его жене Анастасии Алексеевне – пострадавшей от белогвардейского террора и их дочке Фросе – весьма сообразительном ребенке. Из предложенных работ Иван выбрал работу плотника на железнодорожной станции, жену на работу он отпускать не стал, Фрося была еще слишком мала для самостоятельного времяпрепровождения. Осмотримся, подумал Иван, потом начнем, будет видно. Затем они были определены в служебный вагончик для временного жилья до обретения жилья постоянного. Также Люба выяснила, когда они могут прийти в отделение милиции для выправления утраченных документов. И, наконец, она снабдила их нехитрым набором продуктов питания, как она сказала, на первое время. Вообще Люба оказалась очень исполнительным и кропотливым работником, пользующимся заслуженным доверием своего начальника.

Выйдя из здания райсовета, семья направилась обратно на станцию, где легко в одном из тупиков разыскала вагончик временного служебного жилья и, предъявив ордер, полученный от Любы, была принята на обустройство. Служебное жилье представляло собой выделенные три полки в отдельном так называемом купе со столиком и нехитрым постельным сопровождением. Соседей по их отсеку не оказалось, и, разместившись на нижних полках, они первым делом соорудили себе простенький перекус на основе сваренной картошки и ломтиков хлеба.

И все-таки это было огромным счастьем после утреннего потрясения и грозящей опасности. Не хотелось думать о завтрашнем дне, о предстоящих трудностях, о хрупкости этого временного счастья, о многом из того, что впереди, и о том, что осталось позади.

Фрося, закутавшись с головой в одеяло, заснула уже через несколько минут крепким и опять безмятежным сном. Природа оберегала ребенка, отключая механизмы тревоги и напряжения. Анастасия была одновременно счастлива и напугана. Счастлива от того, что у них есть хоть какая-то крыша над головой, и напугана от того, что это так зыбко и ненадежно. Мысли кружили роем в ее голове, а что если., а что если... И, хотя она тоже понимала то, что иного пути у них нет, но природная женская осторожность не давала спокойно расслабиться, спокойно вдохнуть без боязни за их общее будущее.

Иван был вторым мужем Анастасии, ее первый муж Демид погиб в борьбе за дело революции, как он любил говорить. Демид по природе своей не был человеком осторожным-благоразумным, он всегда лез на рожон, даже если обстоятельства этого просто не требовали. Вспыльчивый и неумный, он не очень считался с чьим-либо мнением, кроме своего собственного. Они поженились еще до революции, но это, скорее всего, был выбор родителей Демиды, а не выбор сердец. Потому в замужестве Анастасия часто терпела унижение, переходящее частенько в побои, но так как дело это было привычное и повсеместное, то оно и не вызывало каких-либо удивлений или отторжений, так жили все или почти все в их окружении. Потому, когда Демид погиб при подавлении белогвардейского мятежа, Анастасия приняла это как неизбежное и вовсе не неожиданное событие, а вполне естественное по его характеру. Но так как она была его женой и, следовательно, осталась его вдовой, то памятью о его дерзком неустрашимом характере, руководство оказало ей всяческую помощь. И вот теперь именно эта справка помогала ее семье обрести хоть какую-то надежду на будущее. Иван, в отличие от Демиды, был сдержан и рассудителен, они познакомились в госпитале, куда Иван попал после ранения, а Анастасия подрабатывала санитаркой. Шупленькая молодая женщина, обладавшая огромным терпением и кротким нравом, сразу приглянулась Ивану, к этому времени он вдоволь навоевался, насмотрелся на человеческие страдания и страсти, что хотел только одного – спокойствия и домашнего уюта. И хотя казачки, как правило, были во множестве своем крепки станом и не хилы костью, но Ивану приглянулась именно Анастасия с ее хрупкостью и ее кроткостью. Анастасии же было ох как трудно поверить этому крепкому вояке. Ей часто казалось, что он слишком суров и, возможно, будет позволять себе рукоприкладство. То есть все то, от чего ее избавила судьба. Но чем больше его узнавала, тем все больше и больше проникалась к нему доверием. Когда она наконец-то приняла его ухаживания, а затем и согласилась стать его женой, то первое, что узнала, так это твердое убеждение Ивана о невозможности поднять руку на женщину. В его семье такое поведение мужчины было постыдным и недопустимым. И хотя нельзя было сказать то, что Иван так уж мягок, он никогда не нарушал принятые в его роду правила поведения с женщиной. Для Анастасии этого было более чем достаточно, ведь вокруг было множество примеров насилия над женщинами со стороны их мужей. Что касается управления семьей, то Иван проявлял здесь все права главы и не терпел несогласия по важным вопросам, оставляя внутреннее устройство полностью на видение Анастасии. Особое место в его сердце занимала дочка Фрося, к ней он относился с искренней любовью и терпением, хотя непременно ждал в семье казака и наследника своего имени, но так привязался к дочке, что уже и не так настойчиво говорил о рождении сына, оставив решение этого вопроса на естественное течение событий.

Утром Иван отправился в локомотивное депо, где и устроился на работу плотником. В его обязанности входил ремонт вагонов, а именно ремонт дощатых стен, заготовка досок для полатей в вагонах и их перегородок, в зависимости от назначения конкретной перевозки груза. Дня через два их пригласили в отделение милиции, где и выдали новые документы взамен утраченных. Так и возникла их новая жизнь, на новой земле, на окраине Омской губер-

нии, в маленьком уездном городке Атбасар, основанном как казачья застава для охраны путей торговли. Самым большим событием в данной местности была ярмарка, на которую сгонялся скот, особенно табуны крепких степных лошадей. В этот период городок оживал, в нем слышались различные наречия и говоры, шли горячие торги, одним словом, жизнь кипела в течение благодатного месяца торговли, затем она затухала и возвращалась как река в свое русло после бурного весеннего половодья. Остатки былой кипучести стекались к многочисленным лавочкам, лавчонкам, но, конечно, особенно ритмично действовала железнодорожная станция, движение на которой хоть и было редкостным явлением, но никогда не прекращалось. а потому требовало к себе постоянных людских ресурсов.

Утром следующего дня Иван направился в контору железнодорожной станции. Его встретила женщина лет 40—45 с худым оскаленным лицом и черными сверлящими глазами.

– Здравствуйте, – войдя в помещение, произнес Иван. Женщина оценивающе прошла по нему взглядом и безразлично ответила: – Здравствуйте, что вам?

– Да я насчет работы к вам, – продолжил свой диалог Иван.

– Какой работы? Вы кто по профессии?

Женщина скинула свою безразличность и смотрела теперь на мужчину с явным интересом.

– Я-то, – продолжал Иван, – плотник, если что, по дереву, это мое.

Женщина явно ожидала чего-то большего, слишком хорошо выглядел мужчина. Одет он был скромно, но одежда хорошо сидела, да и подобрана была как-то удачно. У мужчины наблюдалась армейская выправка, осанка выдавала умение носить армейскую форму, а сапоги на ногах были аккуратно вычищены и не были стоптаны, скособочены. На голове у мужчины была еще фронтовая фуражка, и, хотя ее носили многие из бывших солдат, однако манера ее ношения бывшего военного выдавала сразу. Женщина потянулась и, как бы с напускным безразличием, спросила:

– Бывший военный, что ли? – Иван напрягся и, не желая более продолжать беседу, постарался ее вежливо прекратить. – Да, нет какой там, плотник я, а что до вида, так братка служил, погиб он, от него и осталось.

– А... – многозначительно протянула любопытная женщина. – Так вам к начальнику, вот его кабинет, вторая дверь справа, проходите.

Интерес женщины так же молниеносно улетучился, как и возник. Иван с облегчением выдохнул и прошёл в указанном направлении. После непродолжительного ожидания начальник станции его принял и, как выяснилось, уже был предупрежден сотрудником райисполкома о его визите. Испросив разрешения, секретарь начальника предложила Ивану пройти в кабинет. Как только Иван приоткрыл дверь, он увидел пожилого суховатого человека в форменной одежде железнодорожника и знаками отличия на ней, и, хотя Иван ничего не понимал в этих знаках отличия, но сама форма внушала некое уважение и придавала вес носящему ее.

– Здравствуйте, – начал разговор Иван.

– Здравствуйте, – ответил начальник станции, – наслышан о вашей беде. Как же так, прокараулили вы свои вещи, в наше время нужно за всем следить. Люди-то разные на станции бывают, да и время непростое, все строим, поднимаем, охотников до чужого, к сожалению, предостаточно. А я слышал, ты с женой и ребенком едешь. Куда? – закончил начальник свою речь.

– Так на Украину думали, к родне поближе, там мои родители под Черниговом, посытнее вроде. Вот и хотели дочку подкормить, слабенькая она у нас. А теперь документы надобно выправить, без них куда же поедешь-то, – закончил Иван.

– Да, документы..., это верно, без них никуда, живо снимут с любой станции. А что ж сразу-то не обратился в милицию на станции? – задал вопрос начальник и с прищуром взгляделся в Ивана. Боясь выдать свое волнение, Иван с нарочитой смелостью ответил: – А кто знал-

то, что их свистнули, утром пошли в сторону базара, хотели еды какой присмотреть, кинулись за деньгами, тут и обнаружили пропажу, первое, что пришло в голову, в райсовет идти, правды искать, так и попали к председателю, – ответил Иван.

– Да знаю я, уже доложили, только пойми, вроде городишко маленький. а вот такие случаи случаются, никак не изловим этих воров, может, и не местные вовсе, а может, кто из своих промышляет. Одно дело – нехорошо это, да и стыдоба одна, что никак не справимся. Пока одни упреки получаем да замечания, благо еще председатель у нас понимающий-то. Так, ну ты чего делать-то умеешь? – закончил свою речь начальник.

– Плотник я, с деревом работать могу.

– Плотник, говоришь, тогда давай в цех плотницкий, они вагоны ремонтируют. Как документы выправишь, дальше поедешь, или как?

– Не знаю, загадывать не буду, посмотрим, как работа пойдет.

– А что, на хлеб заработаешь, мы, хоть городишко не большой, но, кстати, с питанием не бедствуем, да и с жильем можем помочь, правда, пока что у нас только землянки наши работники себе строят, но с материалом помогаем, лесом снабжаем, а там, глядишь, разживешься, да и дом построишь. Было бы желание, – закончил свою речь начальник.

Что-то в этом Иване ему понравилось, чувствовалась какая-то мужская хватка в нем, заботливость о семье, внутренняя крепость. Ивану, в свою очередь, тоже понравился разговор с начальником, он перебирал в уме различные варианты последующих событий. Тревожила опасность телеграфирования по станциям о его с семьей розыске, но из опыта он знал, что на таких мелких станциях не всегда даже был телеграф, да и стояла она как-то в стороне от основных путей движения. Основной путь проходил севернее, туда на Петропавловск, в сторону южного Урала и только далее шло разделение на запад и восток.

Выйдя из конторы, Иван сразу направился в локомотивное депо и, выяснив, где находится плотницкая, поспешил к ней. Когда он достиг цели, перед ним открылась убогая картина: цех представлял собой огромный, продуваемый всеми ветрами, крытый сарай, внутрь которого загонялись искалеченные судьбой вагоны, где работники цеха их возвращали к жизни. Иван нашел бригадира, который, выслушав Ивана, быстро сунул ему в руки инструменты и, наскоро рассказав о сути выполняемой работы, предоставил его самому себе и, собственно, самой бригаде плотников. Работники плотницкой бригады долго к Ивану не приглядывались, так как в этот день, как говорится, шла некая запарка, и многое попросту не успевали, то, увидев, что в бригаду влился не новичок в профессиональном деле, а человек умеющий и хорошо владеющий своей профессией, вся бригада приняла его с уважением как дополнительную подмогу, пришедшую как нельзя вовремя. Ивану тоже понравилось то, что так удачно сложилась ситуация и срочная работа по ремонту какого-то нужного вагона пришлось так кстати, это исключило время на разговоры и ненужные расспросы. Защищал его сам труд, выполняемая им работа положительно и красноречиво говорила о его личности, как человеку труда, умеющем и знающем свое дело. И хотя трудовая неделя началась не с самого начала, а только со среды, но под ее конец, в субботу, Иван уже был абсолютно своим в тесном коллективе плотников. Несмотря на то, что он начал трудиться совершенно недавно, его семья уже была поставлена на продовольственное, хотя и скудное, но все же обеспечение. А к концу недели подоспели и выхлопотанные Анастасией документы. Как оказалось, бригадир плотницкой бригады очень тяготился своим положением, его давила ответственность, необходимость руководства людьми. Это был мягкий и покладистый человек, довольно пожилой, ему было глубоко за 50, трудовая деятельность порядком поизносила его, но и это было не главным. Основным препятствием в его работе была безграмотность, он, к большому сожалению, не умел читать и каждый раз был вынужден прибегать к чей-либо помощи. Ему часто приходилось подписывать соответствующие документы, и он страшно переживал о том, что может что-то упустить, не доглядеть. А это было чревато большими последствиями.

Поэтому через месяц работы Ивана, поняв, что тот грамотен, он предложил своему начальству его кандидатуру вместо себя. Иван не стал отказываться от подвернувшейся возможности и смело принял предложение, так он стал бригадиром. Работа с деревом всегда нравилась Ивану, и хотя он был больше столяром и часто увлеченно что-то мастерил для близких из предметов мебели, но запах свежих пиломатериалов всегда приятно щекотал его нос, он его преданно любил и тяготел к нему. Наконец, к концу второго месяца работы начальство выделило ему участок земли недалеко от станции в сторону городка, чему Иван очень обрадовался, его стали уважать на работе подчиненные, такие же плотники, как и он, и его оценило начальство. При этом для всех окружающих они были семьей, пострадавшей от белогвардейского террора, что само по себе обеспечивало сочувствие и желание помочь. Землянку-жилище вырыли быстро, помогала вся бригада в свободное от работы время, это было общей практикой, так было принято на железной дороге, люди здесь были сплоченные и быстрые на подъем, а организованность и ритмичность работы самой железной дороги прививала такие же привычки и всем работникам. Конечно, и в этой среде находились лентяи и пройдохи, куда же без них, но на фоне всеобщей самодисциплины и самоотдачи им не хотелось выглядеть белой вороной, и они старались не выпадать из общих дружных рядов.

Сама землянка представляла собой жилище, вырастающее из самой земли, так как нижняя часть этого жилища уходила в землю на метр-полтора, а верхняя, высотой до двух метров, находилась над ней. Состав почвы, ее слоев, позволял сохранять тепло внутри при минимальной площади внешнего охлаждения. Кровля засыпалась либо вынутой из грунта глиной, либо шлаком, в изобилии находившимся вокруг, так как в основном отопление помещений было углем. Стены внутренних и внешних помещений обмазывались той же глиной и покрывались густым раствором гашеной извести. Пол, как правило, был деревянным при наличии материала, либо глиняным, что тоже было не редкостью. Внутренняя поверхность потолков также обмазывалась глиняной штукатуркой на рейке, замазывалась глиняным же раствором и покрывалась густым раствором гашеной извести. Снаружи, по низу, для отделения от влаги жилище опоясывалось цоколем – вылетом из раствора на основе песка, битого камня-сланца и цемента, и обмазанного какой-либо густотертой краской. Даже такое жилище было труднодостижимым, если не иметь ни работы, ни какой-либо помощи от людей.

К осени Иван с семьей уже вселились в землянку и были счастливы этим. Анастасия, как и свойственно любой матери, приступила к мужу с просьбой как-то забрать в семью и старшую дочь от первого брака – Варвару, которую она оставила на попечение у родителей первого мужа, сказав им, что они с Иваном уезжают на Украину, и как только освоятся, заберут девочку. Родители Демида – первого мужа Анастасии, очень любили свою внучку Вареньку и даже обрадовались возможности общения с ней. Они были не против и того, чтобы Варенька и вовсе жила с ними, но относились к своей бывшей снохе с глубоким уважением и понимали то, что прежде всего она сама будет определять будущее Вареньки. После гибели их сына Демида минуло уже три года, поначалу было тяжело и больно видеть осиротевших Анастасию и Варю, затем понемногу пришло понимание того, что снохе необходимо жить дальше и как-то устраивать свою жизнь.

Они обрадовались, когда Анастасия познакомила их с Иваном, он показался им крепким и заботливым, хорошо относился к Вареньке. Повоевавший достаточно долго, он тянулся к домашнему уюту. И хотя вокруг было достаточно незамужних барышень, однако Ивану приглянулась Анастасия, работающая санитаркой в госпитале в Омске. Иван попал туда по ранению в ногу, сильно мучился, рана долго не хотела заживать, вот тогда-то лечащий врач Осип Давыдович и попросил санитарку Настасью помогать сестре милосердия Клавдии чаще и осторожно менять повязки на ноге Ивана. Осколок с ноги извлечь не удалось, лечащий врач решил, что это и вовсе делать не нужно, тот лежал рядом с артерией, но ничему не мешал, нужно было только «уговорить организм принять осколок как свой», как поговаривал Осип Давы-

дович. «Ну и пусть себе сидит, привыкнешь и замечать не будешь, а разворотим, не ровен час, ногу отнять придется, оно тебе, батенька, нужно?» – сказал он после операции Ивану. Конечно, меньше всего Ивану хотелось быть калекой. Он тогда тут же вспомнил свою станицу, и как нелегко было искалеченным фронтовикам ощущать себя эдакой обузой в работающем организме семьи. Хуже смерти казаки боялись увечья. С такими установками и жили. Семьи, как правило, были большие да разновозрастные, но всем всегда находилось дело. Тогда, в госпитале, медсестре вечно было некогда и она просила перевязку Ивану делать санитарке Настасье, так и прикипел он к ее заботливым рукам, да нескончаемому усердию, видел, что работы у нее было много. Ведь еле успевала, с ног валилась, а ни разу не сорвалась, упрека никакого не высказала. Всегда все делала с терпением, тщательно и с сочувствием к чужой боли и страданиям. А пока делала Анастасия перевязку, было время и вопросы задать, о жизни поговорить, к человеку приглянуться, и чем больше они общались, тем большую симпатию и доверие вызывала у Ивана Настасья.

Когда лечение закончилось, Ивану уже не хотелось расставаться с Анастасией, и он робко испросил ее разрешение на свидания, но Анастасия, словно напугавшись продолжения их знакомства, ответила уклончивым отказом, чем только усилила интерес к себе со стороны Ивана. Судьба столкнула их месяца через два после выписки Ивана из госпиталя, в Исилюле, где Иван оказался по работе. Зайдя в продовольственную лавку, он столкнулся в дверях с Настасьей, она тоже явно обрадовалась этой встрече, расспрашивала его о здоровье, о состоянии ноги, о цели его приезда и еще о mnogой чепухе, не имеющей ровно никакого значения, разве только для поддержания разговора. Иван долго и охотно отвечал, затем столь же долго и тщательно расспрашивал о ее делах. Они так увлеклись разговором, что не заметили, как вместе вышли из лавки и машинально пошли по улице в непонятном для обоих направлении. Именно тогда Иван осмелился и повторно попросил Анастасию о свидании. На этот раз Анастасия ему не отказала и попросила прийти вечером на чай по указанному адресу.

Весь оставшийся день Иван старался побыстрее закончить все свои многочисленные задания. Вечером, прикупив нехитрых гостинцев, он спешил к ней. Дверь дома, где жила Анастасия, отворил пожилой мужчина лет 60, с густой седой шевелюрой.

- К кому? – строго спросил он.
- К Анастасии, – растерянно ответил Иван.
- Проходи, – вежливо добавил хозяин, – в комнате она.
- Спасибо, – ответил Иван и поспешил войти.

В комнате хлопотали две женщины, старшая, вровень с возрастом хозяина, и сама Анастасия. Следом в комнату вошел хозяин. Анастасия повернулась к Ивану и ласково, словно хотела приободрить Ивана, сказала:

- Папа, мама, познакомьтесь, это Иван, я вам о нем сегодня говорила, – и, повернувшись к Ивану, продолжила, – а это мои родители, Спиридон Иванович и Лукерья Петровна.
- Здравствуйте, – протяжно и уважительно произнес Иван.
- Здравствуй, Иван, – ответила Лукерья Петровна, – мы не совсем родители Настеньки, мы родители ее мужа, а нашего сына Демида. Погиб он у нас, не сберег себя, белые убили. Теперь вот живем вчетвером, мы с мужем, да Настенька с Варей, внучкой нашей.

Иван знал о Варе еще по рассказам Настасьи во время перевязок, и о погибшем муже он знал, не знал он только о том, что живет Настасья в семье родителей бывшего мужа, бабушки и бабушки Варвары. А впрочем, мог бы догадаться, думал Иван. Инициативу перехватил Спиридон.

- А ты, Иван, тоже воевал, из каких будешь? – он стоял, с прищуром покручивая усы.
- Из казаков я, – начал ответ Иван, – воевал в гражданскую, теперь вот производство в Омске налаживаем. Жизнь-то надо налаживать, идти дальше.

Они говорили долго и основательно, и о жизни, и о семье, и о планах, и о чем только не говорили, пока Спиридон не спросил у Ивана прямо:

– Тебе, Иван, вижу, Настенька наша нравится, планы какие имеешь, аль как?

Иван растерялся, прямой вопрос не смутил его, он для себя давно и все решил, но, видя, как зарделась Настасья, он кожей почувствовал весь ее трепет и смущение, всю ту неловкость, с которой она не могла уже совладать. Ему стало ее отчаянно жалко и, набрав в грудь побольше воздуха, расправив плечи, он выпалил:

– Настенька мне очень нравится, ребенок ее не помеха и помехой быть не может, и если я ей хоть чуточку интересен, хочу у вас просить ее руки!

В комнате повисло тягучее молчание. Спиридон, переживая за судьбу снохи, а самое главное, за судьбу любимой внучки Вареньки, осознанно шел на пристальный допрос Ивана, но даже он не был готов к тому, что тот вот так, неожиданно для всех, сделает предложение Насте. Дрожащую паузу прервала Лукерья.

– Ну, что ж, за откровенность спасибо. Отец, надо бы и у Настеньки спросить ее мнение.

Спохватившись, Спиридон обратился к Анастасии:

– Что думаешь, дочка, как решишь-то, ведь тебе жить?

Смущенная Настасья не знала, что ответить, ей хотелось дать свое согласие, но родители мужа, в семье которых она жила, за это время стали для нее родными людьми, как они отреагируют, как поймут ее, не осудят ли, не обидит ли она их? Вопросы, вопросы, вопросы, и на них нужно знать точный ответ. Здесь нельзя ошибиться, подвести их, ухудшить будущее Вареньки. Иван ей казался человеком хорошим, надежным. Она видела, как мужественно он переносил операцию и свою не хотящую заживать рану. Но одно дело госпиталь, разговоры, другое дело, семья с ее каждодневными трудностями и заботами. Конечно, одной жить ох как не просто, но пока, слава богу, живы родители мужа, своих она давно схоронила, они заботливы, любят внучку, да и к ней всегда относились по-доброму, даже от Демида не раз защищали. И обижать, задевать их никак не хотелось. Немного поразмыслив, Анастасия ответила:

– Мне нужно подумать, я не готова ответить сразу, извините.

Спиридон глубоко вздохнул, хлопнул себя по коленке и протяжно произнес:

– Ну, что ж, дочка, подумай, пожалуй, подумай, дело ответственное, с маху-то не решишь, подумай. Что, Иван, подождешь, что ли, ты наскока к нам в Исилькуль-то?

– Я до завтра еще здесь, послезавтра вернуться надо.

– Ну, и хорошо, вот завтра и поговорите, а пока давайте чайку попьем, как ты, не против?

– Да нет, – ответил Иван, чувствуя, как у него горят уши.

Общее напряжение сняла Варенька, вбежавшая в комнату и сходу взобравшаяся на колени деда, видно было, что между ними сложились тесные отношения. Дед Спиридон любил Варю, она это чувствовала и возвращала ему сторицей. Баба Лукерья засуетилась с пирожками, Настасья ей помогала, и через минуту все уже дружно пили чай, беседуя на самые разные темы, обстоятельно избегая разговоров о предложении Ивана. Ивану было в этой семье уютно, он смотрел на Настасью, на ее плавные движения: и всюду-то она успевала, словно была в своей стихии. Видела все, в чем нуждались сидящие за столом, как-то успевала предугадать желания и украдкой, виновато поглядывала на Ивана, словно мучилась за то, что не смогла ему ответить сразу, но ее неответ не только не отпугнул его, но, напротив, заставил уважать ее еще больше. Иван понимал, что Анастасии нужно обсудить его предложение с членами ее семьи, и только после этого она будет готова ему ответить. Он был готов ждать ее ответа гораздо дольше, только б ответ был положительным. Это чаепитие окончательно убедило его в правильности собственного выбора.

После ухода Ивана родители долго и подробно расспрашивали Настю о ее планах собственного будущего, об ее чувствах к Ивану. Наконец, закончив эту утомительную процедуру, Спиридон сказал:

– Вот что, дочка, ты не думай, что мы тебя ревновать будем, что ж поделаешь, нет больше Демида. А жить дальше надо, тебе дочку растить, сама то еще молода, да и Иван вроде человек не плохой. Конечно, в жизни разное случается, от всего не убережешься, поди. Мы тебе как родителями были, так и останемся. За это не переживай. И Вареньку, если что, растить подсобим, но семью тебе восстанавливать нужно, как ни крути. А если что с нами, как вы одни-то? Лукерья, ты что думаешь? – закончил Спиридон.

Лукерья ответила не сразу. Глаза ее наполнились слезами, было понятно, что она вспоминала Демида. Ее материнское сердце боролось между памятью о сыне и необходимостью смотреть в будущее. Прежде всего в будущее своей внучки Вареньки, и она понимала, конечно, лучше будет, если ребенок будет жить в полной семье, ведь надо и ему опираться на какое-то сильное плечо, иметь защиту. Повздыхав и вытерев уголками платка слезы, она ответила:

– Да, Спиридон, я согласна с тобой, им опора нужна, мы-то старые, сколько протянем, одному Богу известно. Повернувшись к Анастасии, продолжила: – Что здесь сказать, дочка, ты и сама знаешь, не замужня баба, она ведь всегда без вины виновата, кто где посмотрел, кто когда зашел, всюду пересуды, придумают и то, что и близко-то не было. Да и у мужиков одинокая всегда легкая добыча. Что уж греха таить. Ты у нас нрава кроткого, каждый обидеть может, да и ты биться за себя не сможешь, характер не тот, не сволочной. Если Иван человек хороший, по сердцу тебе, ну, что ж, соглашайся. Да и мы вам всегда поможем, у нас с отцом-то больше никого и нет, ты да Варенька. Не уживешься, не бойся, вернешься к нам, примем, не упрекнем. А все хорошо будет, и нам радостно, и мы довольны будем. Мой тебе материнский совет – соглашайся.

Чувство высокой благодарности охватило Анастасию, эти люди, ставшие ей единственной опорой после смерти мужа, еще и еще говорили ей о своей любви к ней и ее дочери. Они не просили ее о вечной памяти о своем сыне, о сохранении верности ему, они просто желали ей и своей внучке счастья и делали это искренне, с полной самоотдачей. Анастасия в порыве благодарности подбежала к Лукерье и, ласково обняв ее, зашептала:

– Спасибо, мама! – затем она метнулась к Спиридону и, склонив голову, уткнулась ему в плечо. – Спасибо, папа!

Лукерья подошла к ним и, промокнув уголки платка у своих глаз, произнесла:

– Ну, вот и славно, вот и решили, скажи Ивану завтра «да», и не плачь, все образуется, вот увидишь. Они еще какое-то время просидели на кухне, ведя уже незначительные разговоры. Затем отправились спать, на завтра их ждал ответственный день.

Зайдя вечером следующего дня к родителям Настасьи, Иван после жгучих тревог и томительного ожидания, наконец-то услышал такое долгожданное Настасьино «Да». Они проговорили до позднего вечера, обсуждая планы их совместного будущего. В Омск Иван возвращался полным надежд и будущих планов. Теперь он думал, как бы поскорее забрать и перевести в Омск Настасью и дочку Варю, которую он уже принял и, пожалуй, полюбил, но которую все же побаивался, ведь сердце ребёнка ему нужно было еще только завоевывать, а как это получится, он пока не знал. Зато он знал точно, что Настасья никогда не предпочтет его своему ребенку, и он за это ее только еще сильнее уважал. Наверное, такой и должна быть настоящая мать, думал Иван.

Работа встретила очередными задачами и преодолениями, но теперь он понимал, что-то радостное вошло в его холостяцкую жизнь. И это что-то он намерен лелеять и растить, оберегать его от всех бед и стараться приумножить. Вскоре Ивану удалось перевести семью в Омск, Варя пошла в школу, а Настасья устроилась в центральную городскую больницу, и жизнь потекла размеренно и счастливо, как и у многих окружающих и друзей вокруг. Ровно до того момента, когда его боевой товарищ не зашел к нему поздно ночью с этой ужасной новостью и свинцовыми словами: «Иван, тебя утром арестуют, приехали люди с округа, у них на тебя приказ об аресте, как бывшего белогвардейца. Даже твое прошлое в Красной армии

не поможет, поверь, я знаю, о чем говорю. У меня есть уже опыт. На моих глазах уже расстреливали бывших белогвардейцев. Ничего не помогает, ни работа, ни бывшие заслуги, ни ранения, ничего. Уходи, Иван, увози семью.» Тогда ему не верилось, что такое возможно, ведь он несколько лет воевал на стороне красных, имеет боевые награды, ранения, теперь на заводе не последний человек. Трудится честно, растит двух дочерей, Варю и Фросю, какой он враг, при чем тут его прошлое. Он живет настоящим и думает о будущем. Но Михайл был непреклонен, он прошел путь от рядового сотрудника ЧК до начальника одного из отделов, он знал, о чем говорил, и очень рисковал. Но их общее боевое прошлое, когда не раз приходилось спасать друг друга в бою, не позволяло ему сподличать, отсидеться. Они давно и без слов понимали друг друга, и, хотя все реже и реже виделись, но остались верны своему прошлому. «Уходи на подводе, так меньше внимания привлечешь, под Акмолой где-нибудь сядешь на поезд, да старшую Варю оставь родителям, не тащи с собой двоих, тяжело, еще заболелют.» Эти слова друга были последними, которыми они обменялись перед прощанием в Омске.

Под утро Иван с Анастасией были уже в Исилькуле. Спиридон без слов все понял. Велел Лукерье собрать на дорогу, отдал все деньги, что на тот момент были в доме, принял спящую Вареньку и пожелал им доброго пути. К восходу солнца они уже двинулись в сторону степи. Там Иван рассчитывал продать лошадь с подводой, и уже оттуда двинуться в далекий путь на Украину. А теперь, теперь все круто изменилось, он работает на маленькой станции бригадиром плотников, носит фамилию жены, построил землянку и собирается здесь пустить корни. Отсюда и до родных мест не так далеко, а там видно будет – думал Иван. Вскоре вслед за Фросей у них с Настасьей появилось два сына, жизнь помаленьку налаживалась, к суровым краям они помаленьку привыкали, и все ничего, да вот старое ранение в ногу все больше и больше беспокоило Ивана. Нога к вечеру начинала ныть, нытье превращалось в нестерпимую боль, и как-то Иван обнаружил на месте осколочного шрама темное растущее пятно. Иван не придал должного значения болячке и не сказал об этом Анастасии. Как следствие, в один из вечеров он занемог и был не в силах более сдерживать зловещую боль. Сообщил о происходящем Настасье. Увидев рану мужа, Настасья ужаснулась и, не слушая его убеждений о ничтожности беспокойства, побежала к доктору-хирургу, что жил неподалёку. Осмотрев ногу, доктор констатировал начало гангрены и требовал немедленной госпитализации. Предстояла ампутация ноги, это было единственным на тот момент решением, способным спасти жизнь Ивана. Тот ни в какую не соглашался. «Что за казак без ноги,» твердил Иван, он не хотел и слышать об этом.

– Настасья, – говорил он жене, – давай примочки, мази какие-то, вылечим, не впервой, что сразу резать, придумал твой доктор, не дам. Бог даст – выздоровеем, а нет, так с ногой хочу быть.

Ни слезы, ни уговоры жены на него не действовали. Иван стал жутким упрямым. Через несколько дней ему стало совсем худо, и он умер, оставив жену и четверых детей решать жизненные вопросы без своего участия. Думал ли он о смерти, возможно, да, и всё-таки не верил в то, что в этот раз не справится. Но и жить без ноги не хотел, судьба сделала выбор по его желанию, только окружающим – членам его семьи – было от этого выбора не сладко. Кто может определить верность этого решения, пожалуй, никто, кроме Ивана, ведь именно ему предстояло примерить эту новую судьбу, но, видно, он сам этой примерки не захотел.

Иван Васильевич – Василий Иванович

Иван был из Екатеринославской губернии Малороссии, из крестьянской семьи, семья была большая, жила в деревне и состояла в сельской общине, после отмены крепостного права она имела в сельской общине свои полосы земли, исходя из расчета трех десятин на работника. Потому в семье всегда ценились бережливость и сметливость. Население деревни росло довольно быстрыми темпами. Оно увеличилось за промежуток времени с конца 1900 по 1906 годы резко, почти в 2,2 раза, потому-то выделенной земли стало не хватать. В среде крестьянства рождалось недовольство властью, то там то здесь вспыхивали волнения, которые подавлялись полицией.

Его жена Ксения родила ему шесть сыновей и пять дочерей. В живых к тому времени остались три сына и две дочери. К сожалению, урожайность полос земли была низкой, часто приходили и вовсе неурожайные годы, при этом хромала и производительность труда из-за низкой оснащенности и отсталой технологии. Так как приходилось вести земледелие в условиях чересполосицы, то есть выделении сельской общиной земли для общих нужд: прогона скота, проездных путей для выдвигания на сенокосы, к лесам, водоемам, то и севооборот на выделенных конкретной семье полосах не мог быть интенсивнее общинного. Он подчинялся законам сельской общины: севообороту и выплате податей государству. Неудобство также составляла практика выделения полос на разных полях, которые также, в свою очередь, иногда находились, как говорится, в разных концах общинной земли и нередко граничили с «неудобствами». Общинные земли частенько перераспределялись из-за изменений в составе семьи, то есть ее увеличения или, напротив, уменьшения. Появились тенденции ухода семей, либо части семьи – взрослых детей в город на заработки, а то и постоянное жительство. При этом сам город развивался все интенсивнее, там появлялись различные блага цивилизации, а деревня все больше и больше отставала в своем развитии от города. Старшие дети Ивана выросли, поглядывали на город. Образовав свои семьи, все больше хотели жить своим умом.

Аграрная реформа Столыпина, целью которой была ликвидация нехватки пахотных земель и придание так необходимого промышленного развития российской империи, позволяла крестьянам центральных губерний и Малороссии получить свой надел земли, и в то же время вела к освоению огромных окраинных земель Сибири и Алтая. Как-то, вернувшись из Екатеринославля, Иван заговорил с женой Ксенией.

– Я был в городе, там все судачат о земельной реформе. В Сибири будут землю давать переселенцам, ссуды опять же, да и другие послабления обещают. – Ксюша слушала мужа внимательно, из года в год терпя нужду, ей, конечно же, было интересно услышать о каком-то просветлении их будущего, но женская осторожность настраивала на вдумчивое, взвешенное решение. – Так вот я здесь подумал, не махнуть ли нам куда-нибудь в Сибирь, может, из нужды выбьемся?

– Так-то оно, так, – отвечала Ксюша и, поразмыслив, продолжила: – Так хозяйство у нас вроде бы крепкое, не хуже, чем у людей. Сыновья поднялись, теперь полегче станет.

– Чем легче? – не унимался Иван. – Им свои семьи строить нужно, своих детей растить, а земли-то у нас маловато, где ее взять-то?

– И что ты предлагаешь?

– Да честно я, конечно, и сам побаиваюсь, но, думаю, надо бы нам рискнуть, пока силы еще есть, давай поговорим с сыновьями вечером, там и решим.

– Хорошо, давай, – ответила Ксюша.

Вечером, когда вся семья собралась вечерять, помолилась и, усевшись за общим большим столом, смотрела на отца, ожидая от него какие-то новости из города, Иван обратился к своим старшим сыновьям.

– Я в городе услышал о реформе Столыпина, Правительство землю дает в Сибири, суды обещает, и еще многое чего. Вот хотел бы с вами посоветоваться. Думаю, дело стоящее. Надо бы попробовать.

Старшие сыновья внимательно выслушали отца. Первым заговорил старший, Микола.

– Сибирь, – протяжно произнес он, – там, бать, же холодно, как мы там жить-то будем?

– Везде люди живут, – ответил отец и продолжил: – Холодно, это да. Зато земли дают вдоволь, здесь-то у нас ее нет, где ее взять-то?

– У помещиков забрать! – заговорил средний сын.

– Я тебе заберу, лихой казак! У меня и думать не смей, на чужое рот не разевай!

– Все равно пустырем стоит много, а у нас не хватает, что это, батя, справедливо? У кого густо, а у кого пусто!

– Ты такие разговоры, Федор, говорить не смей. Сколько уже людей пострадало за такие мысли. До братоубийства доходит. Не нашего ума это дело, вот Правительство думает, как это затруднение разрешить. Коль здесь земли свободной нет, так в Сибири ее полно, там населения не хватает. Нечего у других отбирать. Вот ты бы помещиком был, а я бы у тебя пришёл и забирать стал, как бы ты тогда думал, правильно это или просто грабеж?

– Так я бы, бать, пустые земли не держал.

– И он, сын, не держит. Хочешь, бери у него в аренду, обрабатывай, только плати за использование. А ты как хотел. Она же по закону ему принадлежит, не тебе!

– Конечно ему, бать, он же помещик, а я крестьянин.

– Да дело не в том, что он помещик, а ты крестьянин. Так сложилась жизнь. Она могла сложиться иначе, и на его месте мог бы быть ты. Только негоже это чужое отбирать. Надобно свое наживать, трудом своим, смекалкой. А присваивать чужое дело-то нехитрое, да только все под Богом ходим, а там все равно, кем ты здесь был, главное, что в душе своей приобрел, каким человеком жил, как к людям относился, это главное! Ну, так что, интересно вам новое дело или нет?

Старший сын расправил плечи, взглянул на свою жену и ответил:

– Бать, ты же знаешь, мы ребенка ждем, я думаю, нам рисковать не нужно, пусть родит, там посмотрим.

– Ясно, – протянул отец. – Ну, а ты чего скажешь? – обратился он к среднему сыну.

– Если честно, бать, мне не хочется в неизвестность, да я подумываю в город податься.

– Понятно, – с сожалением выдохнул отец и продолжил: – Ладно, остальных и спрашивать нечего, вижу общую картину и так. И всё же, повернувшись к младшему сыну, Васильку, он спросил его: – Василек, а ты-то как, поедешь со мной в Сибирь?

Василек был самым младшим сыном в семье, он привык смалчивать, не лезть в разговор старших. Услышав вопрос отца, Василек с гордостью ответил:

– Поеду, батя, отчего же не поехать.

– Ну, вот и славненько, сынку. На том и порешим.

Помолчав какое-то время, он обратился к жене.

– Ксения, давай-ка сами вначале попробуем, как там, будет хорошо, сладится все, тогда и семейством тронемся, а пока что пусть сыновья здесь похозяйничают, а мы там попробуем. Что скажешь-то, мать?

Ксения растерянно ответила мужу:

– Да как же так, они здесь, мы там, далеко-то как, что ж мы от детей-то поедем в тьмугаракань, зачем? Ну, не хотят дети ехать и нам не нужно, здесь как-нибудь проживем, совсем уж не бедствуем.

– Совсем нет, да и совсем уж хорошо тоже не живем, – не унимался Иван. – Будет плохо, вернемся, чего ты переживаешь. А так, не попробовав, как можно судить, хорошо или плохо будет. Ксения, чего ты боишься, год-другой проживешь без сынов, не выдержишь, что ли? Куда

они от тебя денутся? В общем, дорогие мои, я думаю, надо пробовать. Ксения, да не печалься ты, будет плохо сразу же вернемся домой.

– Ой, – вздыхая, отвечала Ксения, – боюсь я, да и от детей опять же не хочется никуда ехать.

– Да ладно, мама, – вступил в разговор средний сын. – Я тоже хочу в город податься, надоело здесь сидеть, может, там чего себе найду. А будет у вас хорошо получаться, может, к вам присоединюсь. Сразу в Сибирь не хочется, а потом не знаю.

– Я, – заговорил старший, – ни в город, ни в Сибирь, батя, не хочу. Да и здесь кому тогда оставаться? Так что я здесь остаюсь, буду работать. Посмотрю, как у вас получится.

– Ну, лады, – ответил отец, – так и решим, мы с матерью и Васильком будем пробовать, вы оставайтесь.

Иван повернулся к Ксении, только своей волей он не хотел заставлять ее подчиниться. Нет, он больше рассчитывал на ее стремление понять и поддержать его. Он обращался к соратнику своей жизни, к единственному человеку, который эту жизнь строил с ним совместно с самой молодости. Ксения, не выдержав вопрошающего взгляда мужа, стала отвечать.

– Хорошо, Ваня, мы поедem, но обещаю тебе, что если там будет плохо, если Васильку не будет приживаться, мы вернемся, хорошо?!

– Я обещаю тебе, если вам с Васильком будет там плохо, мы сразу же вернемся, только я уверен в том, что все у нас будет однозначно хорошо.

Семья продолжила ужинать. Иван решил вскорости ехать в Екатеринославль с целью обратиться в переселенческую команду за полным разъяснением процедуры переезда и сопутствующих этому механизмов. Утром он так и сделал, уехал в город и, вернувшись поздним вечером, сообщил своим домочадцам о том, что заключил с переселенческой командой соответствующее соглашение, на следующей неделе нужно приехать к ним опять, они подготовят необходимые документы и определятся, куда именно направят семью, каким образом будет необходимо добираться, какая ссуда на месте им полагается и сколько средств на переезд им выделят.

Пока они ждали обозначенного времени, Иван подготавливал свое хозяйство к передаче сыновьям, решал вопросы с сельской общиной, проверял, все ли так, как ему хотелось, много разговаривал с сыновьями, наказывая им различные свои установки. Он был чрезвычайно занят, ведь времени было крайне немного, и уже совершенно не думал о состоянии Ксении. Та же напротив, с каждым днем все больше сомневалась в правильности мужского решения, с тревогой смотрела на Василька и боялась последствий длинной дороги. Как бы там ни было, время неизбежно приближало их к расставанию с родными местами. Они очень любили родные места, эти поля с черным слоем чернозема, эту мягкую часто зимнюю погоду, эти распевные украинские песни, чистые реки, возвышенности и впадины, разнотравье и перелески. То есть все то, чем славилась Малороссия. Лишь уверенность о планируемом в итоге возвращении и придавало, по крайней мере, Ксении силы к сборам. Васильку, как и было свойственно всем детям, не имеющим собственно никакого опыта, попросту ожидал этого переезда, как некой очередной детской забавы.

Наконец, после всех необходимых процедур, в компании таких же малоземельных крестьян своей губернии они семьей тронулись, как оказалось, в долгий и мучительный путь. Как и все крестьяне их губернии, Иван не только работал в общине, но успевал работать и в поместье Митрофана Климчука. Иван был крепкого телосложения и чуть ниже среднего роста. Красивый и статный, с умелыми руками и недюжинной силой, он легко нашел себе красивую жену – Ксению. Однако с каждым годом жизнь становилась все трудней, не хватало средств на покупку семян, орудий, не все нравилось в общинном хозяйстве. Поэтому, когда Иван узнал об аграрной реформе правительства, он схватился за эту призрачную возможность изменить жизнь к лучшему. Реформа, которую проводил премьер-министр П. А. Столыпин, предпола-

гала выделение 15 га земли из государственных фондов, а также 400 руб. подъёмных, 200 руб. из которых выделялись безвозмездно и 200 руб. в виде беспроцентной ссуды, при этом крестьянское хозяйство на 5 лет освобождалось от всех податей в доход государства. Как человек сметливый и смелый, Иван решился на переезд и освоение новых земель. Переселение предполагало переезд из губерний южной и западной России далеко за Урал в восточные и северные, с низкой плотностью населения. Земельный банк России определил семье Ивана надел земли на окраине Омской губернии, где Западная Сибирь плавно переходила в степи Приишимья. Дорога заняла долгие недели, благо переселенцев опекали различные государственные люди, перед которыми и стояла задача по переселению крестьянских семей – дорога к месту переселения, выделение земли, подъёмных денег и беспроцентной ссуды, а также начальный этап обустройства. Теперь переселенческая семья Ивана состояла из трех человек: сына шести лет, жены Ксении, да и, собственно, его самого. И хотя старшие дети и родители самого Ивана и родители Ксении были против их переезда, но упрямство и крутой нрав Ивана сделали свое дело, а так как программа по переселению была объявлена самим правительством, родители не стали проявлять отчаянное сопротивление «государеву делу».

Самого Ивана влекло что-то неизведанное, далекое, крестьянское чутье подсказывало манящую выгоду от предприятия и попросту хотелось что-то кардинально изменить в своей жизни, сотворить для детей какую-то лучшую долю. Для этого, именно для этого необходимо решиться и шагнуть в полную неизвестность. Со своей деревни Иван и его теперешняя переселенческая семья уезжали первыми, потому было особенно тяжело сохранять спокойствие. Любитель кулачных боев «стенка на стенку» Иван привычно не показывал своих волнений. Однако красавица жена явно не хотела ехать в необозримую даль от своих старших детей, родных и близких, и при каждом удобном случае старалась, как могла, переубедить мужа, изменить свое решение.

– Иван, – ласково говорила она мужу, когда они оставались одни и их не могли слышать дети. – Ну, зачем нам куда-то ехать?! Мы живем здесь совсем неплохо.

– Неплохо, но и не хорошо! – возражал ей Иван, – сколько бы мы здесь ни работали, а где еще землицы взять? На что ее прикупить?!

Карие глаза Ивана зажигались зелеными огоньками.

– Да если я даже буду работать здесь с утра до ночи, без передыху, земли-то не прибавится, где ее взять-то?

– И этого нам хватит, чай, не бедствуем, – кротко отвечала Ксения, боясь рассердить мужа.

Ксения хорошо знала твердолобость своего Вани и все же не оставляла попыток переубедить его.

– А дитя как? Мало оно еще для переезда, а вдруг очень далеко придется ехать? Ты подумал о нем?!

При этих словах Иван нахмурился, скулы стиснулись до боли. Он вскинул голову, посмотрел на Ксению со льдом в глазах и жестко проговорил:

– Даже Василёк согласен со мной, а ты сомневаешься. Ничего, с божьей помощью доберемся, не хуже других, поди!

Ксения беспомощно опустила белые красивые руки на свои бедра, руки скользнули по юбке, закружили волчком по резинке и заломились за поясницей. Черная густая коса туго коснулась левой руки и колыхнулась к правому бедру. Ксения стала переминаясь с ноги на ногу, затем вобрала в легкие воздуха и выпалила:

– Съездил бы, сначала порасспрашивал у других, как оно-то там, так ли хорошо, как говорят служивые люди. Да и люди есть те, что вернулись обратно, куда ехать-то, не знающе?

Иван опять нахмурил брови, поднял взгляд на Ксению и в сердцах сказал:

– Будет плохо, вернешься с сыном, здесь, со старшими, с родителями побудешь, пока построюсь там!

– Так может, ты пока сам поедешь, помотришь, обустроишься, потом и нас заберешь? – ответила Ксения.

– Ты чего, как мне без тебя? Да и подумай, как мужчине без женщины, зачем семье рисковать ее целостностью! Переезжать надобно семьей, даже если она у нас не вся едет. Да опять же и деньги выделяются на каждого, ты об этом подумала?

Ксения подумала об этом, но что-то тревожное таилось в ее душе, обычно кроткая и послушная, она не хотела никуда ехать, отрываться от всего привычного и рисковать здоровьем младшего сына. Малый возраст дитяти не давал ей уверенности в благополучности переезда. Ну почему именно сейчас это нужно делать, почему не подождать, пока Василек подрастет, наберется сил и сможет быть помощником отцу. Ею руководила женская осторожность, но Иван уже все решил, его раздражали лишние препятствия, частью которых и была Ксения. Конечно, он любил жену и ценил ее, но нужно идти вперед, считал он, а не топтаться на месте.

– Ксения, не переживай, все будет хорошо, – как завороченный, твердил он в этих бесконечных, скрытых от детей диалогах. Однако продолжая видеть на ее лице сомнения, твердо продолжал: – Мы едем, Ксения, и едем вместе, собираемся и больше я об этом говорить не хочу!

С этими словами он выходил из хаты. Для него самого вопрос был решен окончательно.

Когда они прибыли на место после изнурительной многодневной дороги, то с удивлением увидели, что и здесь, оказывается, живут люди. Местное население состояло из казахов-кочевников, занимающихся скотоводством и перегоняющих большие стада скота с пастбища на пастбище, казаков, служивших в этих местах на заставах и охраняющих торговые пути, ссыльных, русских и украинцев, реже других народов, по разным причинам сосланных на окраины империи, татар, ведущих промысловую и обрабатывающую деятельность. Реже встречались осевшие здесь по разным причинам немцы, поляки и китайцы, но количество их было настолько мало, что совершенно растворялось в палитре основных народов. Атбасарский уезд, куда, собственно, и прибыла семья Ивана Васильевича, находился в северо-западной оконечности Омской губернии и начинался со сторожевого поста, превратившегося постепенно в казачью станицу, а затем и в уездный городок Атбасар. Здесь весной проходила большая конная ярмарка, на которой продавался также всяческий скот и даже сопутствующие товары из средней Азии и Китая. Сам уездный городок стоял на правом – высоком – берегу реки Жабай, впадавшей в Ишим, который, в свою очередь, нес свои неторопливые воды в могучий Иртыш. Место было удобным для выпаса скота, так как левобережье открывало простор бескрайней степи с могучим разнотравьем.

Через две недели они втроем уже были на территории Западной Сибири, в казачьей станице Акмола, откуда и отправились получать свой земельный удел вблизи казачьей станицы Атбасар Омской губернии. Здесь же, в переселенческом пункте, были еще несколько семей из Малороссии, пожелавших переселиться в эти явно не приветливые и не приспособленные для земледелия окраины Российской империи. Местное население, называемое киргиз-кайсаками, занималось исключительно скотоводством и находилось на стадии родоплеменного развития, некогда теснимые джунгарами, они почти были выдавлены в самые непригодные для скотоводства земли. Однако, обратившись к российскому императору за помощью и защитой, были приняты в российское подданство, отчего приобрели мощную защиту и покровительство, а отдаленность от центральной власти позволяла ему жить, не теряя своих привычек и верований, сохраняя всю свою историческую сущность. Само же приобщение к русской культуре вносило множество элементов передового и двигало коренной народ к большему развитию. Следует отметить и то, что и российские переселенцы достаточно многое заимствовали у коренного населения, прежде всего, это навыки выживания в этом суровом, резко континен-

тальном климате, когда летом вы сталкиваетесь с невыносимой жарой и недостатком влаги, а зимой со всепронизывающими морозами и недостатком кормов для скота, равно как и убежищ для его содержания. А ведь надо было еще примериться к земле, которая хоть и являлась черноземом, но при отсутствии достаточной влаги становилась либо сыпучей бурей, либо каменным плато, не уступающим по прочности слоя любой каменной мостовой. Степной ветер легко и непринуждённо переносил любое количество сорняков на огромные расстояния, делая почти невозможным всходы и прорастания зерновых культур. И всё-таки крестьяне-переселенцы, засучив рукава, принялись за освоение этих крайне неблагоприятных земель.

Ивана с семьей определили в Атбасарский уезд, наделив земельным наделом из массива земель, ранее выкупленных у местного населения и определенных в фонд земельного банка, используемых под государственную аграрную реформу. Переселенцы прибыли на место в марте, а в это время в этих краях еще стояли крепкие морозы, однако солнышко светило уже ласково, по-весеннему. В воздухе уже чувствовался приятный аромат приближающейся весны. Несмотря на огромные сугробы, землемеры выезжали на выделенные переселенцам участки, масштабировали их на местности, определяли границы и устанавливали ориентиры. После проведенных процедур можно было смело приступать к началу освоения земли. Ивану с семьей достался надел земли на возвышенности, в пяти километрах от уездного города, при этом возвышенность плавно переходила в низину и совсем спадала к примыкающей к ней реке Жабай. Ивану очень понравился выпавший ему участок, он нутром чувствовал его выгодное месторасположение, а крестьянская смекалка давала уверенность в том, что он справится с его освоением. Ксению же, напротив, пугала далекая и пока еще неизвестная перспектива. Чужой для ее представления коренной народ, живущий непонятной кочевой жизнью скотоводов. Их громкая обрывистая речь сильно отличалась от украинского мягкого наречия. Они исповедовали мусульманство, мужчины носили длиннополые халаты – чапаны, женщины – длинные юбки и верхние куртки-душегрейки. Близость скота и постоянный контакт с ним пропитывал их жилище специфическими ароматами, непривычными для переселенцев, как, впрочем, и сами переселенцы пахли для местного населения по-иному – необычно.

Сама семья Ивана расположилась в Атбасаре в бараке переселенцев, где на каждую переселенческую семью был отведен угол с нормой шесть метров на человека. И хотя само жилое пространство было отделено от общего объёма всего лишь жидкой деревянной перегородкой, но это была отдельная жилая площадь семьи, позволяющая ей прожить какое-то первое время, привыкнуть к климату и двинуться к освоению своей земли. Иван не ошибся, его участок действительно оказался плодородным, а забота правительства действенной. Особой опорой было казачество, оно уверенно охраняло торговые пути, помогало и словом, и делом, многочисленная татарская община развернула множество лавок и производств, способствующих торговле. Среди татарского населения было значительное число грамотных людей в различных областях, при этом они создавали мелко-ремесленное производство, что также благотворно действовало на общее экономическое развитие. Всем живущим в этой суровой земле находилось дело. Так, казахи, специализировавшиеся на разведении скота, давали сырье мясникам и сыроделам, а также кожевенным мануфактурам, делавшим теплую верхнюю одежду из овчины – шубы и полушубки, так необходимые в лютые зимние морозы. Немцы строили перерабатывающие ремесла для продуктов земледелия, прежде всего зерна пшеницы, изготавливали орудия труда, торговали различными приспособлениями и механизмами для обработки почвы. И всем здесь находилось дело. Никто не оставался без занятий по своему умению и на общую пользу. Находясь далеко от центральных властей, люди больше всего полагались на свои силы, правила добрососедства и взаимовыручки.

К 1911 году хозяйство Ивана уже было крепким и устойчивым, он и не помышлял о возвращении на Украину, хотя один раз ездил туда. Василий подрастал, набирал рост, иногда Иван с удивлением подумывал: «В кого он такой у меня?» Сын становился все выше и выше, разда-

вался в плечах и так же, как отец, забавлялся уличными кулачными боями. Он все чаще и чаще вспоминал тот далекий разговор в родной деревне, когда Василёк без сомнения поддержал отца и пацаненком отправился в эти степи строить их новую жизнь. Прошло пять лет, за это время он окреп, и Ксения перестала беспокоиться за его здоровье, ему исполнилось четырнадцать лет, он был подростком, но, несмотря на юный возраст, легко справлялся с работой в поле и дома, отцу вырос настоящий помощник, гордилась сыном Ксения.

Весть об убийстве Столыпина очень огорчила Ивана, он понимал, что именно благодаря его реформе его семья крепко стоит на ногах, имеет плодородный участок земли, да еще может позволить себе наем работников в сезон посевных и уборочных работ. Они построили крепкий дом на берегу реки, и, хотя сам дом не стоял в уездном городке Атбасар, однако был крепким и уютным, с большим хозяйственным двором. Вообще, надо сказать, что обилие земли и низкая плотность населения позволяла развернуться на славу, оставляя далеко прежние возможности на Украине.

Все шло замечательно до 1914 года, когда началась первая мировая война. Патриотический подъем гнал российский народ «За царя и отечество!» защищать национальные интересы. И хотя в центральных губерниях отношение к немецкому населению изменилось, в окраинных землях к их изменению оснований не было вовсе. В конце 1914 года Ивана призвали на фронт. У него была возможность остаться, но не привыкший юлить и отсиживаться, когда отечество в опасности, он без особых возражений отправился на фронт. Сыну Василию на тот момент только-только исполнилось 17 лет. Уходя на фронт, отец строго-настрого наказал ему беречь хозяйство, мать и ждать его с победой. Василий к тому времени стал молодым здоровенным мужчиной, в селе его сверстники часто называли «кувалда» за огромных размеров кулак. Василий без труда мог сшибить с ног быка, настолько сильным ударом он обладал.

Прибыв на фронт, Иван увидел хорошо оснащенную и вышколенную российскую армию, вначале им сопутствовала удача, однако удачное наступление на немцев в начале войны захлебнулось, кадровых военных становилось в войсках все меньше и меньше, пока армия не прошла рубеж, за которым правительству ее пополнять стало уже нечем. Не хватало не только людей, но уже и боеприпасов. Началась окопная – позиционная – война. В одном из таких боев их пехотный полк нес огромные потери, но, несмотря на них, командование требовало прорыва обороны противника. Иван оказался на фланге, где скопление живой силы немцев и русских было растянутым и прерывистым. Когда их рассыпанный взвод получил очередной приказ к атаке, переданный сигналом, Иван осторожно стал высовываться из окопа, пытаясь осмотреть местность, по которой придется бежать, его взгляд выхватил взгляд вражеского солдата, целящегося в него и готового выстрелить. Иван выстрелил из винтовки наугад, без подготовки, он увидел, как лицо немца искривилось болью и резко осело. Иван с товарищами бросились в атаку, но хлесткий пулеметный огонь уложил бегущих в трех-четыре метрах от окопа противника, не позволив в него ворваться, пошла позиционная перестрелка. У противников не было никакой возможности довести свои намерения до конца, одни не могли продолжить атаку, другим было нечем их атаковать.

Наконец, прошел сигнал к отбою атаки и возвращению на позиции. Но это было не так легко сделать, так как поверх голов постоянно работал пулемет, вынуждая возвращаться только ползком. Иван уже хотел было ползти обратно, как после стихнувшей стрельбы услышал стоны, похожие на вой. Стон был буквально перед ним, метрах в трех-четырех, во вражеской траншее. Поколебавшись еще короткое время, Иван пополз к траншее противника, опустив через бруствер голову, он увидел немца, корчившегося от боли и истекающего кровью. Иван рывком вполз в траншею, и так бледное лицо немецкого солдата побелело еще больше, ослабленный кровопотерей, он не мог оказать какое-либо сопротивление, и, наверное, подумал о неминуемой смерти. Иван бросился к нему, тот закрыл глаза и безнадежно застонал. Иван вскрыл перевязочный пакет и быстро стал перевязывать солдата, тот пришел в себя и с изумлением уста-

вился на Ивана, что-то невнятно бормоча ему. Иван понял – немец благодарил его за помощь. Закончив перевязку, Иван с удовлетворением увидел, что кровь остановилась, он поправил сидящего солдата и похлопав по плечу сказал:

– Ничего, будешь жить. Пополз я к своим.

Немец благодарно улыбался. Иван рванулся к брустверу, как неожиданно для него, согнувшись, в траншею вбежали два немецких солдата. Один из них вскинул оружие, намереваясь выстрелить в Ивана, но перевязанный им немец что-то заорал и рывком заслонил Ивана, он что-то говорил своим. Наконец, все трое повернулись к Ивану, их лица уже не выражали ненависти. Они махнули ему рукой в сторону своих и помогли выползти из траншеи. Ползя к своим, Иван лихорадочно думал, убьют или нет его сейчас. Но даже пулемет замолчал, и пока Иван не вполз в свою траншею, со стороны противника не прозвучало не единого выстрела. Война, которая не казалась теперь ему ни чистой, ни оправдывающей какие-либо даже самые патриотические цели, все же показала то, что человечность гораздо выше ее примитивных законов. Иван провоевал уже два года, за которые было и ошеломительное наступление, когда русская армия вошла в Восточную Пруссию, и столь же ошеломительное отступление русской армии, когда была уступлена Галиция. В 1916 году под Верденом французы, союзники по Антанте, отчаянно защищали форт за фортом. Французские генералы Анри Петен и Робер Нивель понимали, что в случае поражения под Верденом немцам будет открыта дорога на Париж. Николай II приказал 18 марта 1916 года 2-й русской армии начать наступление в районе озера Нарочь. В этой армии и служил Иван. И хотя наступление русской армии было остановлено, оно потребовало переброски дополнительных дивизий немцев и позволило французам подтянуть к Вердену резервы, провести перегруппировку сил. Нарочская операция не привела к победе, но сыграла свою роль, предоставив долгожданную двухнедельную передышку французам. Первого июня немцы, оправившись после наступления русских, вновь пошли в наступление под Верденом и резко продвинулись, захватив форт Во, и в этот раз им помогли выстоять русские – на Восточном фронте началось наступление русских под Луцком, получившее название «Брусиловский прорыв». Австро-Венгрия не выдержала удара русских, и ее войска резко покатались на запад, теряя Восточную Галицию и Буковину. Немецкому командованию пришлось срочно перебрасывать войска на помощь незадачливому союзнику. Таким образом, под Верденом французы выдержали и защитили свою столицу.

К сожалению, во время «Брусиловского прорыва» Иван был тяжело ранен и вскоре скончался в госпитале. В этот июньский день стояла замечательная теплая погода. Ксения была во дворе, посыпая растения тальком от вредителей, к дому подъехал вестовой, он поздоровался и, спешившись, протянул ей казенную бумагу. В ней уездными властями сообщалось, что ее муж, Афанасьев Иван Васильевич, рядовой пехотного полка, умер от ран в военном госпитале и похоронен на церковном кладбище. Так же ей сообщалось о его героической службе, перечислялись его награды и разъяснялись ее привилегии в связи со смертью главы семьи, как вдовы фронтовика. Дочитав казенную бумагу до конца, вестовой низко ей поклонился и, вскочив на коня, унесся прочь.

Небо резко наклонилось, прижало Ксению к земле, а затем, покачавшись какое-то время, упало ей на голову. Не выдерживая напряжение и боль, она схватилась за плетень, осела и, сорвав с головы платок, во всю мощь своего горла заголосила:

– Что же ты наделал, Ваня, на кого ты меня кинул, как же я теперича, – слезы хлынули из ее глаз непрекращающимся потоком.

Напрасно услышавшие ее соседи пытались ее успокоить, она только заходила все с новой и новой силой, пока с поля не вернулся сын Василий и обмякшее, почти безжизненное тело его матери не затихло в его объятиях. Василий и сам еле сдерживал слезы, но он не мог позволить себе такую роскошь. Боль за отца душила его, лоб покрывался холодным потом,

но теперь он здесь был старшим мужчиной и просто обязан был держать удар. Как бы ни было тяжело, но надо было жить дальше.

Они знали, что старшие братья также были на войне и боялись подумать, как же они там, живы ли. Как их семьи на Украине, с которой тоже давно уже не было никаких вестей. Шла середина 1916 года, печальные известия с фронтов еще не раз заглядывали в эти края. Пережив бурные годы революции, гражданской войны и, как многие, пройдя процессы коллективизации, Василий с матерью выжили и даже приспособились к новой жизни. Ксения прожила до 1923 года, она ехала на Украину, когда заболела и, не доехав до старших детей, умерла дорогой.

Василий остался один, но ему было уже 26, и он женился на односельчанке Дарье. Девушка была стройной и очень красивой, все село бегало за ней, но Дарья с самого детства положила глаз на Василия, он был таким сильным. К тому времени Василий вырос, набрав рост в два метра и два сантиметра, выглядел он гигантом, нрав сложился боевой. Потому в 20 годы он был мобилизован в ряды Красной армии, где честно и прослужил почти до конца 1923 года, после чего вернулся в родное село Смирновка, где к тому времени расцвела Дарья. Василий посватался к ней, чему, впрочем, Дарья была неслыханно рада. В 1928 году у них наконец-то, после долгих усилий и лечений, родился единственный ребенок Гриша. Дарья носилась над ним, как квочка над цыпленком. Гриша всем походил на отца, кроме роста, это он наследовал от мамы, в ее родне мужчины были не выше среднего роста. Гриша неплохо учился, любил читать, с удовольствием помогал по хозяйству, но, как любой мальчишка, больше всего любил играть с ребятами. В 1939 году мать Гриши простыла и, не обратив должного внимания на простуду, неожиданно попала в больницу с воспалением легких, к сожалению, болезнь была запущена настолько, что врачи не смогли ей помочь, и Гришина мать умерла. Гриша стал жить с отцом, в осиротевшей хате, село было населено в основном украинцами, поэтому и говорили все в основном на украинском. Вечерами на околице плыли мелодично распевные украинские песни, Грише они очень нравились, это стремление подметил сосед Василия, дед Харитон. Он прекрасно играл на гармонике, Гриша часто видел его, играющего на свадьбах. Вот бы и мне так, думал Гриша. Дед Харитон всегда любил побаловать хлопцев села съестным из своих частых гостевых угощений. Заприметив интерес Гриши к музыке, он с удовольствием стал учить его играть на гармонии. Гриша обладал хорошим вкусом и с легкостью запоминал на слух и заучивал музыкальные мелодии. В 1941 году отца Гриши призвали в армию, и хотя он у Гриши остался один из родителей, Василий не стал искать пути отклониться от призыва. Он попросил свою сестру, тетю Гриши, забрать его к себе на время войны, и отправился на фронт. На сборном пункте Василия с таким же призванными, как и он, отправили в Алма-Ату, где шло формирование 316-й стрелковой дивизии под командованием генерала Панфилова. Прибыв к месту формирования, Василий сразу окупился в нелегкий солдатский труд. Панфилов главной задачей при формировании дивизии обозначил военную подготовку ее дивизионного состава. Людей учили выдерживать марш-броски, форсировать реки, рыть окопы и траншеи, брать высоты, возводить переправы, и, конечно, тактике самого боя.

Чтобы побороть в людях страх противоборства с танками, Панфилов ввел свою методику противотанковой борьбы. Он заставлял личный состав рыть окопы, и когда солдаты занимали позиции, направлял на них трактора. Когда трактора проходили окопы, в которых сидели солдаты, те забрасывали их учебными гранатами. Подобное тяжелое обучение спланивало людей, учило их понимать друг друга без слов, что само по себе подымало выучку на порядок выше. Личный состав 316-й стрелковой дивизии проходил проверку лично Панфиловым, который каким-то интуитивным способом отмечал людей по их потенциальным бойцовским качествам. Конечно, предпочтение отдавалось комсомольцам и коммунистам, но немаловажную роль играли и физические качества человека.

Присягу бойцы 316-й стрелковой дивизии приняли 30 июля. А 18 августа прибыли под Великий Новгород, где и влились в 52-ю армию. Непосредственное участие в боевых операциях дивизия еще не принимала, однако бойцы дивизии провели ряд успешных разведывательных операций. Масштабные операции под Ленинградом 316-я стрелковая дивизия не проводила и в начале осени была переправлена на московское направление в 16-ю армию Рокоссовского. 316-я стрелковая дивизия Панфилова преграждала путь фашистам на Волоколамск и заняла 50-километровый отрезок фронта. Панфилов в своей дивизии носил нарицательное имя «батя» или «аксакал», так как дивизия была многонациональна и состояла из выходцев с Казахстана: украинцев, русских, казахов и других, даже малочисленных, народов, иногда бойцы не знали русского языка, но все они видели особое – бережное отношение командира к личному составу.

Панфилов часто говорил: «Я не хочу вашей смерти, учитесь усердно военному делу. Я хочу, чтобы вы прошли до конца войны, до самой победы, выжили и увидели своих близких и родных, вырастили детей и внуков. В бою самая выгодная тактика – это наступление, даже в самых тяжелых ситуациях стремитесь к наступлению. именно наступлением, когда противник уже уверился в своей победе, вы можете его опрокинуть и, разгромив, уничтожить. Никогда не теряйте духа, на войне все изменчиво и тогда, когда вам кажется, выхода нет, он только и находится».

Много новшеств было введено Панфиловым на фронте, одно из них даже стало называться «петлей Панфилова» и с успехом применялось на других участках фронта. Суть этого новшества была в рассредоточении войск по наиболее важным – выгодным для ведения огня точкам для уничтожения танковых соединений. В ходе таких маневров подразделение быстро отходит на 8—10 километров в глубь обороны, затем неожиданно для противника создает мощный оборонительный узел, а когда противник вновь сосредотачивается для удара, опять маневрирует на флангах, чем изматывает и растягивает силы наступающих, как бы затягивая петлю, то слева, то справа, и тем самым подводя его силы под удары артиллерии или пехоты.

15 октября фашисты начали мощнейшую атаку, бросив на дивизию панфиловцев большое количество танков, так, на левом фланге, где мужественно сражался 1075-й полк, танков было более 150. Только дальновидность и стратегическое мышление Панфилова предотвратили неминуемую катастрофу. Он бросил на выручку полка большое количество противотанковой артиллерии. Через четыре дня фашисты подобрались к Москве ближе и заняли отдельные деревни. Немцы рвались к Москве, не считаясь со своими потерями. Уже 25 октября они бросили на дивизию Панфилова 120 танков. Чтобы сохранить жизни солдат, Панфилов приказал отступить и сдать Волоколамск. Окрыленные успехом, фашисты продолжали атаковать. Наступило 16 ноября, день самого тяжелого боя за Москву. С рассветом началась мощнейшая артподготовка, на волоколамское направление фашисты бросили две танковые дивизии и одну пехотную. Кровавопролитные бои шли на каждом клочке земли, Дубосеково, Крюково, всего и не перечислить, бойцы-панфиловцы, неся тяжелейшие потери, снова и снова сдерживали врага, уничтожая его живую силу и технику. На танках фашисты усадили пехоту, которая вела настолько интенсивный огонь, что было невозможно обороняющимся поднять голову, чтобы видеть, куда бросить гранату. Василий со своим напарником Бауржаном вели огонь по наступающим танкам из противотанкового ружья. Обливаясь потом и вытирая с лиц грязь, они, как и учил их «батя», часто меняли позицию, быстро передвигаясь по извилистому окопу. Это позволяло избежать прицельного огня фашистских танков по их расчету. Василию с Бауржаном удавалось произвести выстрел в наиболее незащищенную боковую часть брони. Уже несколько фашистских танков было подбито расчетом, атака фашистов стала захлебываться.

– Ничего, погоди у меня, – бормотал Василий, – нечисть проклятая, погода, дай только срок.

На очередной перебежке он уже прицелился, напрягся и с нетерпением закричал:

– Патрон, патрон, Бауржан!

Но патрона не было. Бауржана скосила пулеметная очередь во время перебежки, в руке он так и остался держать патроны для ПТР и с открытыми глазами вглядывался в дымно-грязное небо. В следующую секунду залпом фашистского танка Василия подняло вверх и разметало во все стороны, оставив большую воронку и обожжённую глину вместо человека. За время тяжелейших боев 316-я Панфиловская дивизия понесла огромные потери: из 11 347 бойцов, на момент формирования, после боя их осталось не более 7000. Фашисты уже видели в бинокли башни Кремля, но мужество, в том числе и панфиловцев, не только не позволило им взять Москву, но и стало их первым крупным поражением. После боев 316-я стрелковая дивизия получила звание гвардейской. А Василий, как и многие ее бойцы, попал в списки пропавших без вести. Такова оказалась гримаса войны.

Григорий

Получив весточку с фронта о том, что Василий пропал без вести, тетка Гриши, у которой он жил, подозвала его к себе и сказала:

– Гриша, ты уже большой и должен знать, – она сделала паузу и продолжила, – твой отец, Гриша, пропал без вести на фронте.

Лицо подростка застыло в недоумении, в голове заметались мысли: «Как пропал, разве можно пропасть, вот так, среди своих? И что теперь? Он может найтись? А где он сейчас?» И хотя этот случай был не первый в их селе, но пока его самого не касалось такое, он не так чутко реагировал на такие явления. Затем Грише пришло в голову, как иногда ребята реагировали на подобные события. Всем почему-то казалось, как и ему сейчас, что на фронте невозможно пропасть без вести. Как же так, куда же он делся? Неужели струсил и ушел к немцам, предал своих? Что теперь будут думать его друзья? Видя, как то краснеет, то сереет лицо Гриши, тетка сказала:

– Ну, вот что, ты загодя не переживай, может, вскоре найдётся Василий, мало ли чего непонятного на войне бывает. Он у нас богатырь, под два метра, сдюжит, может, ранен и без документов оказался, верить надо, Гриша, что с батей ничего не случится. Понял?

Она произнесла последние слова, как и многие из Гришиных родственников, с ударением на последний слог, по-украински.

– Ты вот что, ребятам пока не сказывай, может, вскоре все ясно будет, соображай! – закончила тетка и, потрепав его по голове, вышла во двор.

Гриша какое-то время стоял у хаты, затем решил-таки выйти на улицу. Его закадычный друг Ленька встретил его как-то сочувственно, со словами:

– Че, Гриш, батя пропал?

– Ты откуда знаешь?

– Че здесь знать-то? Почтальон с тетей Дуней говорил, ты же знаешь, какая та болтливая, уже все село знает. Да ты не бери в голову. Чай, не у тебя-то первого батя пропал, вон, у Петьки уже год как никаких вестей нет.

Гриша взглянул на Леньку и вспомнил, как они же с Ленькой в своих разговорах не верили, что можно на фронте куда-то пропасть. И вдвоем же пришли к полному убеждению, раз пропал кто, и так давно не объявился, значит, к немцам ушел, может, даже полицаем теперь у них служит. И тогда постепенно они перестали дружить с Петькой, не задирали его, но и не впускали особо в свой круг. Петька поначалу пытался как-то за батю оправдываться, а потом замкнулся, перестал набиваться в друзья, пока совсем не откололся от их ватаги и начал большую часть времени проводить дома с матерью, братьями и сестрами. В начале этого отдаления от всех часть ребят ему сочувствовала, но через какое-то время, забыв то, что они сами отстранились от него, ребята стали относиться к нему плохо, а иногда даже жестоко. Только и судачили о том, что его батя где-то у немцев. Петька не терпел любую шутку или издевательство в свой адрес, отчего случались частые драки. В семье он был старшим, ему уже было 16 лет, он никогда не позволял обижать своих младших сестер и братьев. Потом стал ездить в город и заниматься в каком-то стрелковом клубе. Скоро в селе узнали о том, что он ходит в военкомат и просит отправить его на фронт. Но там его по возрасту не брали, это его сильно расстраивало, и он отчаянно занимался военным делом. Через год его забрали в военное училище, куда-то под Челябинск. И только когда односельчане узнали о его учебе в военном училище, косые взгляды в адрес этой семьи прекратились.

Такое же отношение Гриша ждал и к себе. Тетка, видя, как переживает племянник, пошла к начальству. Она долго и нудно убеждала дать Грише любую работу, лишь бы он был занят. Тем более, что работы было невпроворот, а вот рабочих рук, в особенности мужских, отчаянно

не хватало. Гришу взяли на ферму скотоводом, теперь он был занят, очень уставал и реже контактировал с ребятами. Конечно, работал он не без выходных, но в это время он старался что-то делать по дому, не любил чувствовать себя обузой. У тетки было трое собственных детей, поэтому забот ей хватало. Так как из сестер она была старшей, то, уходя на фронт, Василий и попросил ее присмотреть за Гришей, оставив ей и весь свой дом с имуществом. Тетка забрала Гришу к себе, а дом закрыли. Грише совсем не хотелось покидать свой дом, здесь он чувствовал себя хозяином, но выбирать не приходилось, и он был вынужден подчиниться своей тетке. Тем более, что, уходя на фронт, Василий ему строго-настрого наказал слушаться тетку во всем и не перечить.

Как-то Гриша помогал агроному и по работе они оказались на центральной усадьбе в поселке Новосельский, пока Гриша сидел на крыльце, в контору то и дело входили работники по разным нуждам или рабочим вопросам. Усевшись на скамье, Гриша лускал семечки, когда к конторе покатила подвода и с нее, хохоча во все горло, прыгнула девочка лет 14. Пробегая мимо Гриши, она озорно на него взглянула и с недовольством выпалила:

– Фу, всю скамью шелухой засыпал, шелкал бы в кулек!

Гриша растерялся. а когда уже было хотел что-то сказать ей в ответ, на крыльцо вышел председатель Новосельского сельсовета Клименко и, обращаясь к девочке, спросил:

– Мотя, ты чего прискакала?

– Мама велела у тебя телогрейку взять, мы с ней в город завтра собрались.

– В город. Ах, да, она у меня в кабинете, погоди, сейчас вынесу.

Он опять скрылся за дверью, а Мотя уселась ждать его на скамью. Она смела рукой с доски семечную шелуху и опять стала ворчать:

– Вот, скажи, – обратилась она к Григорию, – ну, чего ты, не мог в сторонке пощёлкать?

Григорий смутился, он чувствовал, что она права, но согласиться с нею не позволяло самолюбие.

– А что? – раскатно, с начинающими нотками баса, протянул он, – что, я один здесь шелкаю, умная какая!

– Может, и не один. а все равно здесь шелкать не надо. Грязь только делаете.

– Да че ты ко мне привязалась! Я тебя чего, трогаю?

– Еще чего, больно надо, чтоб такой неряха меня трогал!

– Ты чего обзываешься, по шее хочешь получить?!

– Что? По шее? Это от тебя, что ли? Герой нашелся!

– Вот отец выйдет, сейчас сам от него получишь!

– Щас, держи карман шире, чтоб мне какая-то пигалица здесь указывала.

– Сам ты пугало огородное, расплевался здесь, как верблюд.

– Отстань от меня по-хорошему.

– А кто к тебе пристаёт? Не сорил бы, я б тебя и не заметила б вовсе. Ты видишь, вон тетя Дуся цветы тут посадила, дядь Митя скамьи сделал, все чтоб красиво здесь было, а такие увальни, как ты, сидят и плюются.

– Да отвяжись ты от меня, репей!

– От репея слышу!

С этими словами Мотя забежала в открытую дверь конторы, через минуту, как вихрь, оттуда вылетела с огромным веником в руке. Подбежав к Грише, она, запыхавшаяся, выпалила:

– На-ка, подмети за собой!

Гриша взглянул в глаза этой сумасшедшей девчонки. Перед ним стояла красивая черноокая дивчина с косой по пояс, щеки ее отливали зарницей, черные глаза не терпели возражений, руки крепко протягивали веник. Гриша даже не понял, как начал замечать шелуху и, управившись с мусором, протянул ей веник обратно.

– Молодец! – невозмутимо сказала Мотя и побежала с веником обратно в контору.

Скоро она вылетела оттуда с телогрейкой в руке и проходя мимо Гриши, строго сказала ему:

– Смотри, не сори больше, а то всю жизнь только и будешь мусор выметать!

Поражённый такой наглостью, Гриша спросил:

– Так ты Мотя, а живешь где?

– А тебе зачем?

– Да так, просто, – замялся Гриша.

– Да здесь я живу, тебя как зовут?

– Гриша.

– А живешь ты где?

– В Смирновке.

– А, так ты нашенский, а чего так сорешь? У вас в Смирновке грязь, что ли, кругом?

– Че ты придралась, не грязней, чем в Новосельском, поди.

– Как же не грязней, ты же там живешь, ты, кстати, чей будешь?

– Василия Афанасьева сын, а ты?

– А мой папа председатель Новосельского сельсовета Клименко, слышал, наверное.

– Слышал, конечно, так ты его дочь, а...

– А что, не похожа?

– Не знаю.

– Ну, ладно, Гриш, пора мне, ты забегай, если что. Пока.

– Пока, – ответил Гриша, провожая ее взглядом.

Мотя удалялась быстрым шагом по центральной улице усадьбы. Гриша сел обратно на скамейку и потянулся было за семечками. как вдруг ему стало как-то неловко от своего желания, и он резко перехотел щелкать семечки здесь, у конторы. Сознание вновь и вновь прокручивало эпизоды разговора с Мотей, перед ним всплывало ее раздраженное, но очень красивое лицо. И он поймал себя на мысли о том, что ему хотелось бы ее увидеть вновь. Вот егоза, думал он, прям командир такой, куда деваться. Ход его воспоминаний прервал агроном:

– Гриш, ну что, заскучал, поди? Пошли на склад, бумаги я получил, надо забирать подводу.

И они зашагали в сторону склада.

– Теперь, если что, сам будешь сюда ездить, по накладной получишь и без меня. Понял?

– Да, конечно, – ответил Гриша, обрадованный возможностью приехать на центральную усадьбу.

Времена были трудные, для фронта от сельчан требовалось все больше продовольствия, с рабочими руками становилось все сложнее и сложнее. Мужчины уходили на фронт, обратно возвращались только с увечьями, становились инвалидами и, конечно, в полную силу уже работать не могли. Вся надежда была на женщин, вскоре властям пришлось прибегнуть к детскому труду. Сельские дети и раньше все время были задействованы в уходе за домашними животными, но теперь этого стало мало, село остро стало нуждаться в их помощи в основном производстве. Уклад жизни на селе не позволял сильно выделяться семьям руководящего состава. Их дети также работали наравне со всеми.

Осенью, во время уборки зерновых, не стали справляться с хранением и отправкой зерна на элеватор в город. Руководством было принято решение усилить этот участок привлечением труда школьников, которым сокращали занятия. Гриша и Мотя встретились во время занятий на току. Мотя смотрела, как Гриша ловко управляет со все прибывающим зерном, при этом не отлынивает от всякой побочной, вспомогательной работы. Это вызвало у нее уважение. Гриша был веселым рассказчиком, забавлял ребят, чем во многом сбивал накапывающую усталость, придавал дополнительные силы. Гриша был хорошо сложен, имел умные карие глаза и густую черную шевелюру. Его крепкие крестьянские руки с большой ловкостью пере-

двигали по площадке солидные бугры свежей пшеницы, не давая зерну запретить и загореться. Девчонки на подборе еле успевали за ним. Во время частых перерывов и перекусов Гриша отходил куда-нибудь за ток, скрываясь из виду. Курит, подумала Мотя. Но как-то проработав с ним целый день, так и не почувствовала запах табака. Наконец, ее осенило. Во время перерывов ребята частенько перекусывали скудной едой, которой их снабдили матери при выходе из дома. У Гриши она ни разу не видела никакого мешочка. У Моти возник вопрос, что же он кушает во время перерывов. Задавшись такой целью, она как-то прошла вслед за Гришей. Тот сидел за углом тока и что-то напевал. Мотя подошла к нему ближе и заговорила:

– А я думаю, куда ты все время ходишь во время перерыва? А ты песни поешь, что ли?

Гриша посмотрел на нее смущенно, но быстро нашелся и ответил:

– Да, ты знаешь, мне нравится петь. Во время работы, боюсь, мешать буду, а так, в перерыв, что не попеть то.

– Песни – это хорошо, только их и во время работы петь можно, зачем для этого от ребят прятаться?

– С чего ты взяла, что я прячусь? Просто здесь вольготней, смотрю на поля. на птиц. Вон, река вдалеке красиво блестит.

– А ты что, уже перекусил?

– Давно уже, теперь отдыхаю.

– Когда успел-то, я следом пришла?

– Да успел, было время.

– Врешь?

– Моть, ты чего, мама моя, что ли? Тебе какой резон справляться?

– Раз спросила, значит интересно.

Гриша встал и, как бы желая закончить беседу, произнёс:

– Ладно, пошли, пора.

– Пошли, – ответила Мотя и зашагала рядом в сторону тока.

Наблюдая за Гришей в течение следующей недели, она сделала вывод о том, что он не приносит с собой еду из дома, уходит каждый раз за ток во время длительных перерывов в работе и там отдыхает. В один из последующих таких перерывов Мотя опять отправилась за Гришей и, найдя его лежащим на траве и распеваящим песни, пристала с новыми вопросами. Подойдя неожиданно к нему, она спросила:

– Ты чего с собой ничего не приносишь из еды?

Гриша растерялся и, оправдываясь, ответил:

– Приношу, с чего ты взяла?

– Что-то я не видела, чтобы ты ел во время нашей работы!

– Я не люблю есть при всех.

– Ох ты, барин какой! Это что, это мы такие гордые?

– Слушай, Мотя, твое какое дело? Ты что, мне мать родная, чтобы спрашивать?

– Нет, не мать, я вообще хотела бы спросить у нее, что это она тебя на работу без еды отправляет!

– А что это ты у нее спрашивать будешь, ты кто, чтоб спрашивать? И вообще, чего ты ко мне пристаешь? Я же к тебе не лезу.

– Понять хочу, что у тебя за родители.

– Оставь ты моих родителей в покое. Они у меня не хуже твоих будут.

– Я не говорю, что хуже, я хочу понять, почему тебя не кормят?

Гриша вскочил с места.

– Кормят меня, кормят. Отвяжись!

Он раздражённо зашагал на ток. Вечером дома Мотя спросила у отца:

– Пап, у нас на току хлопец работает, Гриша Афанасьев. Так знаешь, он никогда не ест во время работы.

Отец посмотрел на дочь и ответил:

– Не ест? Странно. Он живет у тётки, отец недавно на фронте без вести пропал, а матери у него давно нет, они с отцом жили. Не ест, говоришь, надо с теткой поговорить. Хорошо, что заметила, может, гордый, не хочет у тетки лишний кусок просить. Да, это не порядок, эдак его надолго не хватит. А как он работает, Мотя?

– Так, пап, как раз в этом и дело, работает он хорошо. А чтобы мы не видели, что он не ест, он уходит далеко за ток, там песни поет.

– Что делает?

– Песни поет. Лежит или сидит на траве и песни поет.

– А поет на каком языке?

– На украинском. Иногда на русском.

– Так, ты, Мотя, подкорми пока его. А я с теткой поговорю, узнаю, в чем дело.

– Пап, а почему солдаты без вести пропадают? Ребята, смотрю, потом плохо относятся.

– Мотя, без вести пропасть может любой. Война, она и есть война, там всякое случается.

Кого ранило, в плен попал не по своей воле, кого землей засыпало, не найдешь. Кого и вовсе по воздуху разметало. Конечно, бывает, и к врагу переметнуться могут, что и говорить. Только я Василия знал, отца его. Он, знаешь, какой богатырь был. Кувалдой звали. У него кулак был как кувалда большая, мог быка с ног сбить. Здесь его вся округа боялась. Любитель кулачных боев по старой русской традиции «стенка на стенку», так его частенько просили в сторонке постоять, за честностью такого боя посмотреть. С одной стороны, никому не хотелось под его тяжёлую руку попасть, а с другой стороны, никто не осмеливался во время его судейства шельмовать, с ним-то не поспоришь, а за неправду можно было и схлопотать, как говорится! Его в Алма-Ату отправили, там шло формирование 316-й стрелковой дивизии, из наших земляков. Подбирали из комсомольцев и партийных, да крепких мужчин. Вот и Василий, с его ростом 2 метра 2 сантиметра, туда был отправлен. Москву они защищали, там и пропал без вести. Только фашистов мы там разбили, а потерь было много. Может, лежит Василий где-то в земле подмосковной или в госпитале без документов. Знаю одно – такой ни с поля боя не побежит, ни в тыл, ни к врагу. Одним словом, мужик он надежный. А что до кривотолков, так где от них схоронишься, на то они и злые языки, потому как любой чужой беде рады. Гришу мне жалко, но сколько ребят война уже осиротила. А скольких еще осиротит. Стерпеть надо, выдержать, все равно победим, вот и хлеб фронту, во, как нужен. Вот и Гриша, смотрю по твоему рассказу, старается и об отце верно думает. Ждет его, понимаешь?! А ты ему, Мотя, помогай, ты у меня дивчина умная, найди подход, переубеди. Одним словом, шефство над ним возьми, глядишь, и фронту тем поможешь.

Отец ласково провел ладонью по Мотиной голове и вышел заниматься другими делами. Он, может быть, тоже с удовольствием отправился бы на фронт, но только партия его оставила здесь, и это был тоже фронт, и здесь нужно было тоже выполнять требования страны, растить хлеб, обеспечивать и мясом, и шерстью, и кожей. Каждый на своем рабочем месте теперь должен был работать и за себя, и за ушедшего воевать товарища. И эта цепь была неразрывная и влияла как в одну, так и в другую сторону. И за недоработки или невыполнения планов здесь также действовали строгие законы военного времени.

Утром следующего дня председателю удалось встретиться с теткой Гриши. Он спросил ее, почему она не дает Грише еду с собой. Та покраснела и рассказала о том, что Гриша сообщил ей, что их на току кормят, и он потому не будет брать ничего с собой. Разве ж она не положила бы ему, зная правду, что нужно. Затем она рассказала о том, что Гриша очень стесняется, он почему-то вбил себе в голову, что является для них обузой. Вот и старается всячески на себе экономить. Она обещала, что теперь будет следить, как он уходит, и собирать ему с собой.

Следующим днем Мотя решительно пошла вслед за ушедшим Гришей и, подойдя к нему, уселась рядом. Развернув свой сверток с едой, она смело сказала:

– Гриш, давай ешь, я и на тебя сегодня взяла.

Гриша смотрел на нее с изумлением, и, хотя под ложечкой сосало, он ответил:

– Спасибо, Моть, я не хочу!

Мотя подняла на него глаза и сурово спросила:

– Что, уже поесть успел?

– Да.

– Это когда же, позволь спросить? Пока сюда шел, что ли? Что-то я не видела, врешь опять, поди.

– Нет, поел, я тебе говорю!

– И что ты ел?

– Да какая тебе разница!

– Да есть разница, коль спрашиваю.

– Слушай, что ты ко мне все пристаешь, у тебя других забот нет, что ли?

– Нет, у меня теперь одна забота, ты и твоя дурость. Я над тобой шефство взяла, чтоб ты с голоду не упал прямо среди работы. Вот закончим уборку, я сразу же отстану, а пока тебе меня терпеть придется, понял! Давай ешь, перерыв кончается!

И Мотя смело протянула ему хлеб с вареным картофелем, да так ловко, что Гриша и сам не заметил, как оказался с картошкой и хлебом в руках. Он не выдержал налетевшего на него смеха и рассмеялся во все горло. Мотя тоже громко рассмеялась, и они стали есть. Да, думал Гриша, ну и девчонка. Как трактор прет.

Вечером его ждал колкий разговор с теткой, которая много упрекала его, каждый раз приговаривая одно и то же – «что люди подумают». На следующий день Гриша уже принес с собой еду и не стал отделяться от ребят, но он каждый раз ловил на себе взгляд Моти, которая строго следила за тем, с едой ли он пришел, поел ли он. С одной стороны, его угнетало ее внимание к вопросам его питания, с другой стороны, ему это было приятно и, наконец, Мотя ему нравилась, и с каждым днем все больше и больше.

Наконец, он осмелился и как-то после работы решил ее пригласить погулять. Уловив момент, он обратился к Моте:

– Моть, давай погуляем сегодня, ты не против?

– Ты что, меня на свидание приглашаешь, или на прогулку?

– Че сразу на свидание, погуляем просто.

– Потому что, если на свидание, значит, я тебе нравлюсь, а если на прогулку, то ты еще не определился.

– Слушай, Мотя, что ты все время все усложняешь? Нравишься, не нравишься, что, погулять нельзя просто.?

– А что ты покраснел так? И почему я не должна знать, нравлюсь я парню, с которым буду гулять, или нет?

– Тебе что, это действительно так важно?

– Слушай, Гриша, а то ты не знаешь, это важно любой девчонке. Ты уж мне поверь. Потом мне интересно, парень собирается просто погулять, хотя живет на отделении от центральной усадьбы, и он просто преодолеет десяток километров ради «погулять»?

– Ну и что?

– А то, что ты, как всегда, не можешь смелости набраться и признаться, что я тебе нравлюсь! И ты даже готов на центральную к нам ездить, вот так просто гулять, после работы, да?

Гриша краснел и бледнел, он уже не знал, правильно ли, что он позвал ее погулять. Ну, и характер, думал он, палец в рот не клади, откусит. Только влекло его к ней, он понимал, что, конечно, она ему нравится, только признаваться в этом ему совсем не хотелось, хотя бы сейчас,

так рано. Мотя смотрела на него с вызовом, смелая и решительная, она привыкла все делать, не таясь, определяться моментально, никому не морочить голову, в ее понимании. Она ждала от Гриши смелого признания в том, что она ему нравится, не меньше. Гриша колебался. Тогда инициативу опять в свои руки взяла Мотя.

– Давай, Гриш, так определимся, ты подумай, и если я тебе нравлюсь, ты так и скажи. А если ты хочешь со мной погулять, то это лучше сделать с твоим другом Ленькой. И это не потребует столько усилий.

Гриша в этот момент готов был придушить ее на месте, выругать, обозвать дурой, но вместо всего того, что клокотало у него в душе, вдруг тихо сказал:

– Мотя, ты мне нравишься, и я хотел бы с тобой сегодня погулять, ты не против?

– Вот видишь, Гриша, это не так уж и тяжело, говорить правду. То, что ты думаешь, а не то, за чем ты прячешься. Хорошо, Гриша, давай погуляем с тобой вечером, часов в 9.

– Хорошо, Мотя.

Теперь Гриша спешил домой, придя, он постарался побыстрее управиться. Затем подошел к тетке и спросил:

– Можно мне взять вечером Орлика, мне нужно на центральную съездить, я Мотю пригласил погулять?

Тетке не хотелось позволять ему брать лошадь, но Мотя все же была дочерью председателя, и вдруг тот опять спросит ее о Грише. Она еще чуть-чуть поразмышляла и ответила:

– Возьми, только смотри, долго не будь, не запозднись. Хорошо?

– Хорошо, – радостно ответил Гриша.

Вечером он уже несся по полям на центральную, боясь опоздать. Гриша прибыл к дому Моти гораздо раньше намеченного срока и, коротая время, уселся на скамейку под ее окнами. Проходя по хате, в окнах его увидел председатель, он с первого разу понял цель приезда Гриши. Обращаясь к Моте, он сказал:

– Это что за кавалер к нам пожаловал, не к тебе ли случайно, Мотя?

Мотя подбежала к окну и, ничуть не смутившись, ответила:

– Ко мне, только рановато что-то, видно, время не рассчитал. Теперь пусть сидит, ждет.

– Что ж ты его томить теперь будешь, иди, раз пригласила.

– Да, пап, это он меня пригласил погулять. А сам приехал рано.

– Значит, торопился. Ладно, иди давай, не томи парня.

– Хорошо, пап, – ответила Мотя и, стремглав, вылетела из хаты.

Через минуту они уже шагали по улице, а за ними брел конь. Так и началась их дружба с Мотей. С каждым следующим годом Мотя становилась все привлекательнее, а Григорий постепенно превращался в ладно сложенного молодого парня. Наконец-то пролетели трудные годы войны, страна приступила к восстановлению народного хозяйства.

Шел 1946 год, осенью Григория призвали в армию, прощаясь с Мотей, Григорий спросил:

– Ждать будешь?

– Не знаю, как будешь служить! – со смехом ответила Мотя.

И хотя их дружба давно переросла во что-то большее, и как бы не требовала каких-либо подтверждений, все же ответ Моти Григория огорчил. Служить он попал в инженерные войска, в понтонный полк. Они помогали строителям возводить разрушенные во время войны мосты. А так как на восстановительных работах использовался труд пленных немцев, то понтонеры были вынуждены участвовать в их конвоировании и охране во время работы.

В это утро при восстановлении моста через небольшую речку Григорий, как всегда, охранял пленных строителей. Временно возведенная секция мостового пролета была наскоро перекрыта настилом из соснового горбыля. Григорий шел по нему смело, так как делал это не раз, впереди него шли военнопленные, вдруг доска под Григорием подломилась, и он моментально провалился в образовавшуюся дыру. Автомат, сорвавшийся с рук, каким-то чудом перекрыл

своей длиной дыру, и Григорий беззащитно повис на ремне. Он посмотрел вниз, на стремительно бегущую воду, затем вверх, на своих конвоированных, и тут только осознал всю свою уязвимость и безвыходность своего положения. Над ним склонились немецкие лица, говоря ему что-то на немецком, схватили его за руки. Григорию почему-то пришло в голову, вот, сейчас выдернут автомат, ударят по голове и сбегут. Он уже приготовился к необратимому, как почувствовал, что несколько крепких немецких рук, схватив его за одежду, рывком потянули его наверх. Сгруппировавшись, немецкие военнопленные выдернули его наверх, на мост, и, что-то громко говоря ему, хлопали его по спине, не скрывая свой радости. Григорий сидел на мосту, поодаль лежал его автомат. А немцы уже перекидывали доски в месте его падения. Они стремились устранить даже самую малую вероятность повторения подобного случая. Сколько раз до этого его старшина предупреждал его об осторожности и готовности к любым неожиданностям. Он не раз испытывал неприязнь к немцам-военнопленным из-за пропавшего отца, войны и многочисленных жертв. Но теперь страх и настороженность перед ними, а тем более вражда, куда-то ушли. Он был благодарен им за свое спасение, он стал доверять им. После этого случая Григорий перед работой всегда встречался со своими спасителями как со старыми знакомыми, был приветлив и не усложнял их и так нелегкую жизнь. К концу второго года службы пришло письмо от Моти, в котором она сообщала о том, что выходит замуж, что она полюбила и просит ее простить. Для Григория это был удар ужасной силы. Благо, его армейские друзья смогли его вовремя поддержать и как-то переключить его внимание.

Вернулся он из армии в 1948 году, стал работать в совхозе. В этом же году в совхоз по распределению прислали учительницу начальной школы. Должность эта была уважаемая на селе и очень ценилась. Григорий вернулся завидным женихом. Обладая отличными внешними данными, с военной выправкой и умением играть на баяне, он стал желанным гостем на любом сельском мероприятии, будь то свадьба или просто любая вечеринка. Надя – так звали учительницу, была родом из Джекказгана, закончила педучилище и по направлению попала в село Смирновка – отделение Новосельского. Статная русская девушка, с большой русой косой, стала завидным, недостижимым трофеем для местных парней. Они с охотой откликались на любые ее просьбы и стремились завоевать ее сердце. Надя жила в квартире, в доме, выделенном председателем для работников образования и культуры. Квартира находилась недалеко от дома Григория, его отцовского дома, в который он вернулся после возвращения из армии. Этот дом имел давнюю историю, его поставил еще его дед Иван, когда получил здесь землю, затем здесь жила семья Григория, отец, мать и он сам. К сожалению, в их семье Григорий оказался единственным ребенком. После смерти матери они жили вдвоем с отцом. Когда отца призвали на фронт, малолетний Гриша остался в доме один, но и тогда он не хотел покидать дом. Настояла тетка, на попечение которой оставил его отец. Все время, пока он жил у тетки, Гриша не переставал тосковать по своему дому. Наконец, он возмужал, отслужил и с полным правом вернулся в свой родной дом.

Дом его отца и деда был ладно сложен, в отличие от окрестных домов, дед его поставил на высоком каменном фундаменте, высота которого достигала полметра, и, хотя стены дома были выложены из самана, но добротная штукатурка внешних и внутренних стен делала их идеально ровными. Высота внутренних помещений достигала 2м 50 см, что по тем временам было большой редкостью. Дом стоял на холме, который плавно сбегал к пойме реки. Еще одним необычным отличием дома были его две печи, равномерно обогревающие левую и правую половины дома. Дом также имел огромный хозяйственный двор с постройками для скота, лошадей, свиней и птицы. Между домом и скотником были возведены баня, сеновал, дровяник-углярка и большой крытый сарай с мастерской внутри. Постройки были выстроены квадратом вокруг внутреннего двора с широкими воротами. За скотным двором шел огромных размеров огород, сбегающий по склону к реке. Такая постройка замкнутого типа преследовала две цели. Первая – это было удобно для контроля, вторая – это позволяло обезопасить

жителей дома во время мощных буранов и метелей, когда можно было запросто потеряться, уйдя в степь и попросту замерзнуть. Раньше за их «усадьбой», как любил говорить его дед Иван, а затем и отец Василий, шли 30 десятин земли, полученные дедом по столыпинской реформе. Но годы шли, сменялась власть, приходили другие порядки и в конце концов в семье остался только дом с постройками и примыкающий к нему огород. Тем не менее, Григорий помнил, как уважительно относился к их усадьбе отец, это же уважение к ней он передал и ему. Поэтому, как только появилась возможность у Григория жить в отцовском доме, он тут же ею воспользовался.

Многому научившись во время службы в армии, Григорий был желанным работником в совхозе. Ему не составило труда найти в совхозе занятие по душе. Он стал трудиться в мастерских по подготовке и ремонту сельхозтехники. Когда Надя появилась в их отделении и стала преподавать в начальной школе, сельчане сразу заговорили о ней. Многим она нравилась и как учительница, и как человек образованный, а потому интересный. Надя тоже искала, чем развлечься во время таких редких выходных и потому ходила на танцы в сельский клуб – место, где обсуждались самые свежие новости. Надежда с интересом смотрела на молодых ребят-односельчан и, конечно, ей, как и любой молодой девушке, хотелось нравиться.

Как-то вечером к Грише забежал его друг Леня и предложил ему сходить на танцы. Гриша с охотой поддержал предложение Лени, и они отправились в клуб на танцы. Вечер уже был в разгаре, когда друзья прибыли в клуб. Молодежь стояла стайками, девушки и парни, разбившись на мелкие группы, с интересом изучали друг друга, по-видимому выбирая себе партнера для танцев. Гриша оглядел зал и остановил свой взгляд на Наде. Та стояла, опираясь на руку своего коллеги по работе. Гриша подошел к ним и, обратившись к спутнику Нади, спросил:

- Можно пригласить вашу даму на танец?
- Пожалуйста, – ответил ему тот и закончил: – Если она не против.
- Разрешите пригласить вас? – произнёс Гриша, обращаясь к девушке.
- Пожалуйста, – ответила она и протянула ему руку.

Григорий смело взял ее за руку и уверенно повел к центру танцевального зала. Здесь, в селе, все друг друга хорошо знали и поэтому парни предоставили самой девушке решать, с кем ей хочется танцевать. Они закружились в танце и, совсем осмелев, Гриша заговорил.

- А вы к нам надолго?
- На два года. Я сюда приехала по распределению, отработаю, поеду домой.
- А вы откуда приехали?
- Из Джезказгана, там живут мои родители.
- Красиво у нас, правда?
- Да, красиво. но уж очень у вас холодно.
- Что верно, то верно. Зато простор какой, глаз радует. А весна у нас какая, степь шикарная, вся в цветах!
- Вы о подснежниках?
- Почему? Не только. Вы тюльпаны наши видели?
- Нет, не приходилось. Я стараюсь в степь одна не ходить. Мне эти места не знакомы, сами понимаете.
- Хотите, я вам покажу красивые места у нас.
- Так сейчас лето, какие сейчас цветы?
- Да вы что. Цветы, они в степи постоянно цветут, одни отцветают, другие появляются.
- А вы любитель цветов?
- Нет, просто знаю, о чем говорю, но вообще это красиво, здесь не поспоришь. Я родился здесь, с пацанов в поле работал, всякие сезоны видел-перевидел, так что знаю, о чем говорю.
- Вы русский, ваши предки из России?
- Нет, я украинец, мой дед сюда по реформе приехал, так мы здесь и осели. А вы?

– Мы... Дед здесь служил когда-то, так и остались в Джекказгане. Мои родители на фабрике работают, а я, вот, закончила педучилище.

– Можно мне проводить вас после танцев?

– Пожалуйста, если вы этого хотите.

Гриша с охотой закачал головой. После окончания танцев он дождался Надю в фойе клуба и стал ее провожать. По дороге они говорили о многом, и о пустом в том числе. Поравнявшись с домом, где проживала Надя, Гриша осмелился спросить ее:

– Можно, я завтра после работы приду к вам, мы погуляем?

– Нет, завтра я буду занята, если хотите, то приходите в среду, там у меня посвободней будет.

– Договорились.

Молодые люди попрощались, и каждый отправился к себе. В среду Гриша прибыл в точно оговоренное время, Надя уже ждала его, поэтому быстро вышла из дома, и они направились к реке. По дороге Гриша много шутил, стараясь развлечь спутницу как можно лучше, какие-то его шутки вызывали у Нади смех, а какие-то и вовсе ей не понравились.

Наконец, они пришли к реке, где она делала красивый изгиб. Здесь было место, которое выбирали многие молодые пары для своих гуляний. Река весело катила свои воды поверх песчаного дна, то почти выступая на поверхность своей прозрачной серебристой вязью, то ниспадала вниз и терялась в зияющей черноте глубины. Реку надо было знать, ее можно было легко перейти в засушливое лето, когда ее воды истончались, и невозможно было преодолеть весной, когда к реке устремлялись потоки талой воды с полей. А так как земля промерзала здесь за зимний период почти до 2 метров и более, то она не могла принять талую воду, и та направлялась по естественным уклонам в русло реки. Разлив в это время становился мощным и даже иногда угрожающим. Первой активно заговорила Надя:

– Гриша, вы умный парень, вы хотите учиться?

– Учиться, для чего?

– Как для чего? Для того, чтобы профессию получить, поступить куда-нибудь. Вы вот о чем-нибудь мечтаете?

– Что вы имеете в виду?

– Ну, как вы дальше жизнь построите? Чем займетесь после армии.

– Так я вроде бы работаю в совхозе. Все нормально. А мечтаю я о своей семье, хочу жениться на красавице, хочу, чтоб она мне детей нарожала, да чтоб не одного, как я у отца с матерью был, троих, а то и больше.

– Что ж, ваши мечтания ограничиваются только семьей, детьми, вашим совхозом?

– А вы, Надя, о чем мечтаете?

– Я... Я мечтаю об образованном муже, о возвращении в мой родной Джекказган, об успехах на работе, в частности, о талантливых учениках!

– Да, тяжело с вашими мечтами-то, с мужчинами не густо, где ж вы такого возьмете, чтоб всем вашим запросам отвечал?

– Да, с женихами тяжело, но коль не найду такого, так придётся его самой сделать, воспитать, вырастить. Понимаете?

– Да я-то понимаю, только не очень верится. что взрослого человека можно таким образом воспитать.

– Ну, почему вам не верится, есть такая наука – педагогика! Я для этого училась, что же я, имея специальные знания, не смогу их в жизни применить?

– Да нет, применить вы, может, и сможете, а вот добьетесь ли результата, что-то я сомневаюсь.

– А вы не сомневайтесь, я думаю, у меня получится!

– Да мне как-то даже неловко стало от вашей уверенности.

– Почему неловко? Я считаю, в жизни всегда надо ставить и добиваться своих целей. Ни один человек ничего не делает бесцельно, понимаете? Вот вы для чего меня пригласили гулять?

Гриша растерялся, но нужно было отвечать. Надя смотрела на него вопросительно, как на ученика у доски, по спине Гриши покатались капельки пота.

– Хотел, вот и пригласил – выдал он из себя.

– Ну, чего вы хотели? Обратит на себя внимание, добиться моего расположения? Покрасоваться перед друзьями, односельчанами, чего?

– Понравились вы мне, вот и пригласил.

Надя вздернула плечи вверх и резко их опустила.

– Понравилась, потому что интересна, интересна, потому что образована, образована, потому что поставила и добила своих целей. Понимаете?

Гриша терялся в разговоре с Надей, он упускал из рук нить управления, Надя явно довлела над ним. Но мужская гордость не хотела уступать, она требовала хоть какого-то реванша.

– Послушайте, Надя, всем нам в конечном счете хочется одного и того же, простого семейного счастья, верно?

– Конечно, Гриша, но построить его с кем попало нельзя. Нужно быть нацеленным на определенные задачи, тогда придет успех. Вы хотите создать семью, для этого необходимо иметь единомышленника, человека, который согласен с вами решать такие сложные задачи. И, конечно, они, эти задачи, должны быть ему под силу. Понимаете?

– Да все я понимаю, я не могу, может быть, так гладко говорить, как вы, но понимаю, думаю, не меньше. Вам замуж нужно, а то вы какая-то слишком заумная.

– Какая?

– Ну, такая, слишком много умных слов говорите. У меня уже голова не переваривает всего, что вы мне наговорили.

– Думаю, что вы меня прекрасно поняли, и для этого вам каких бы то ни было специальных знаний не нужно. Человек вы, еще раз говорю, не глупый. Только зря не учитесь.

– Не хочу учиться, а хочу жениться! – с юмором выпалил Гриша.

– Так женитесь, – с таким же юмором вторила ему Надя.

– Так на ком же? – продолжал шутить Гриша.

– Как, на ком? Да хотя бы на мне! – опять со смехом произнесла Надя.

– Хорошо, Надя. Тогда завтра же и распишемся, согласна?

– Не поняла, вы шутите?

– Нет, я на полном серьезе.

– Но ведь вы знаете мои требования к мужу. И вы с ними согласны?

– Согласен! Ну, что, договорились, Надя?

Теперь растерялась Надя. Ее будущее было для нее понятно и предсказуемо. Гриша вызвал у нее симпатию. Она была почему-то уверена в своих педагогических талантах. Она вообще редко когда сомневалась в себе. Конечно, шаг, о котором говорил Гриша, был серьезен и ответственен. Но она была уверена, что именно у нее все получится.

– Хорошо, Гриша, завтра же и распишемся.

Смущенные своим таким внезапным решением, они какое-то время сидели молча, вглядываясь в шумящие воды реки. Затем взялись за руки и побрели к Надиному дому. По дороге они уточнили время встречи в сельсовете и простились, как заговорщики, смотря в глаза друг друга.

– До свидания, Надя, до завтра, – сказал ей Гриша, разжимая руку.

– До свидания, Гриша, до завтра – ответила она ему.

На следующий день они встретились в сельсовете, где их, при всеобщем удивлении, расписали. Так они стали мужем и женой. Гриша настаивал на том, чтобы они шли к нему в дом

и начинали совместную жизнь, но Надя ему ответила, что спешить она не будет, ей надо спокойно собраться, и как только она будет готова, она сразу перейдет к нему. В селе с удивлением наблюдали, как пара молодоженов живет в разных домах и каждый вечер гуляет, при этом что-то оживленно обсуждая.

Только через две недели Надя переехала жить к мужу. Гриша был счастлив, что это наконец-то случилось. Он устал от шуток в его адрес со стороны друзей и товарищей по работе. Но, как выяснилось, радость его была преждевременной. Семейная жизнь у них с Надей началась крайне сложно. Так, Надя сразу же определила, что детей им заводить рано, и она не хочет рожать ребенка, пока не отработает положенный по направлению срок в два года. Так же она предупредила Гришу о том, что ему придется пользоваться средствами контрацепции для мужчин, а также выполнить свое обещание и пойти учиться. Одним словом, Гриша оказался не готов к такому способу семейной жизни. Он как-то смотрел на все гораздо проще, по-колхозному, как говорил он сам. Однако требования Нади были высокими, и она не желала хоть в чем-то поступаться ими. И если по поводу интимной жизни Гриша смирился, то вот в остальных своих привычках он никак не хотел уступать, особенно он не хотел бросать курить или иногда, как было принято, в конце рабочей недели посидеть с мужиками за бутылочкой беленькой. И хотя молодость и сильное здоровье не давали ему сильно захмелеть, однако запах спиртного Надя не переносила вовсе и возвращение мужа «навеселе» вызывало ее стойкое отторжение. Дело всегда заканчивалось минискандалчиком, Надя укоряла Гришу за нежелание противостоять дурным привычкам, Гриша обижался на нее за излишнюю придирчивость.

Так неоднозначно они прожили до окончания Надиной отработки. Уговоры директора школы, ее коллег, не приводили к изменению ее устойчивого желания вернуться домой. Вечером, дождавшись Гришу с работы, за ужином она затеяла с ним серьезный разговор. Уставший и наспех умывшейся, Гриша уселся за стол, Надя подала пахучий борщ, Гриша его особо любил. Как только он справился с борщом и, довольный, откинулся на спинку стула, Надя, обращаясь к нему, начала:

– Гриш, у меня заканчивается отработка, я довожу ребят до каникул и могу уволиться из школы. Я хочу, чтобы мы с тобой уехали ко мне домой, в Джекказган, там и город крупный, рудник есть, ты там сможешь поступить учиться. Не всю же жизнь рабочим быть.

Гриша напрягся, он почувствовал, что разговор будет сложный. У него еще теплилась надежда на то, что она его поймет, услышит. Должна же она меня понять, думал он, ведь она человек образованный, детей учит. Повернувшись к ней лицом, он с улыбкой, пытаясь убрать напряжение, заговорил:

– Что ты так резко решила, давай не будем спешить, взвесим все «за» и «против».

– Гриш, у нас с тобой был уговор – ты будешь учиться, был?

– Ну, был, я же не спорю. Но ведь учиться можно и здесь. Я вот на железную дорогу хотел бы пойти работать.

– Ну и прекрасно, поступишь на нее в Джекказгане, там крупная станция.

– Так и здесь станция растет, тоже крупная будет.

– Вот именно, будет, а там уже есть.

– Здесь дом у нас, ты говорила, он тебе нравится.

– Дом и впрямь хороший, я не лукавила, но стоит он где? В селе, до города 5 километров. Ты как собрался работать на станции, будешь каждый раз попутными добираться? А зимой, а буран или метель, как ты это себе представляешь?

– Продадим дом, в город переберемся.

– Гриш, здесь у нас дом хороший, а что в городе возьмем, не известно.

– Ну, подстроимся, подумаешь, а то, может, ты пока в селе в школе поработаешь.

– Гриша, я тебе говорю о другом климате, что у вас здесь хорошего-то? Зимой морозы да бураны, нос не высунешь, летом жара несусветная с пыльными бурями. Я устала ноги от пыли мыть. И ты хочешь, чтоб наши дети здесь жили?

– Люди везде живут.

– Так кто же спорит, коль у них выбора нет, они и живут. А у нас с тобой как раз выбор есть. Мы можем на юге, в более благоприятном климате жить, чем плохо? Какие витамины ты здесь своим детям сможешь дать?

– А что, у нас в саду ранетки есть, ягоды, мало, что ли?

– Мало, Гриша, для детей мало!

– Ну, я тоже, знаешь ли, вырос, и ты за меня вышла, значит, не такой уж заморыш получился, и наши дети вырастут.

– Нет, я здесь жить не хочу. Мне мой дом нравится. Мы сначала сможем жить с моими родителями. Там я пойду работать в школу, может, жилье дадут. А пойдут дети, получим служебное. Пока-то жить есть где, что тебя смущает?

– Надь, ты мне, имеющему свой дом и работу, предлагаешь в примаки пойти? Жить у твоих родителей? Нет, это не по мне. И потом, я считал, что жена за мужем должна идти, а не наоборот.

– Послушай, Гриша, что у тебя за «домостроевские» взгляды, я никогда не скрывала, что не являюсь сторонницей отсталых патриархальных взглядов. Ты видел, за кем ухаживаешь, и на ком женишься. Я не сельчанка и такой кроткой, как некоторые женщины вокруг тебя, быть не могу, да и, честно, не хочу!

Гриша увидел ее распалённое лицо и понял, что нужно тушить пожар, иначе беды не миновать. Он потянулся к ней и, нежно увлекая ее за собой на кровать, зашептал:

– Ну, буде, буде, разошлась, кипяток, иди ко мне, конечно, мы все решим.

Увлекаемая им в постель, Надя не успела собраться и проконтролировать процесс. Все произошло естественным путем. Но и она думала в этот момент:

– Вот упрямец, ну, ничего, сейчас закончит, размякнет, будет поговорчивее.

Они растянулись в кровати. Надя с нежностью положила свою голову ему на грудь и, поглаживая его, взялась за свое. Гриша тоже намеревался переубедить жену, в особенности после такой яркой и нежной близости, без всяких средств контрацепции.

– Гриш, ну нам же хорошо?

– Отлично, Надя.

– Так ты чего сопротивляешься, пойми, надо ехать, зачем нам здесь время терять.

– Надюш, я в примаки не хочу, да и дом мне, честно говоря, очень нравится, его еще дед строил. Мне его бросать жалко, да и стыдно, это ведь тоже память о них.

– Ну, не бросай, отдай тетке, у нее детей много, вот и память об отце и деде сохранишь, родные ему люди жить будут.

– Да, верно ты все говоришь, только он и мне нравится, и природа эта мне нравится, привык я к ней, и морозы с буранами не пугают. А какие у нас поля бескрайние, любо-дорого посмотреть, а?!

– Это ты наши края не видел, а тепло там как, разве сравнишь с вашей стужей и пылью! Глина такая, что ног не вытянешь, сапоги тонут, что же, мне всю жизнь в сапогах прикажешь ходить?

– Ну, чего ты в сапогах, да в сапогах, летом без дождей кто здесь в сапогах-то ходит?

– Ты что не хочешь ехать, все отговорки ищешь? Имей в виду – не поедешь, я одна уеду, придётся следом бежать, куда ты денешься.

– Ну, ну, Надюш, не заводись, дело-то, о-го-го, какое серьезное.

– Ладно, Гриш. У меня остаётся месяц до конца учебного года и начала у детей каникул. Так что ты с решением не тяни, я одна уеду, если ты не решишься, подумай!

Надя откинула его руку со своего бедра, встала с кровати, накинула халат и вышла в другую комнату. Гриша вздохнул, встал с кровати и пошел управляться. Он всегда охотно шел к животным, которые его понимали, требовали только еды и старались ему не перечить. Через несколько минут его распевные песни уже доносились со стороны хозяйственного двора. Со своей стороны, Гриша думал: «Никуда она не денется, позлится, позлится, да успокоится. Куда баба денется от мужика! Мужики нынче в цене! Война вон сколько их покосила, не разбежишься, нет их, мужиков-то».

Надя была не из тех женщин, что послушно следуют за мужчиной, она обладала сильным и упрямо-независимым характером, она привыкла выполнять свои обещания и не могла позволить никому, даже Грише, не выполнить ей данные обещания. Поэтому видя, что муж никуда не собирается, она продолжила следовать своим курсом. Рассчитавшись с работы и выждав время, когда Гриши не будет дома, она собрала свои вещи, зашла к его тетке и, отдавая ей ключ, сказала:

– Я уезжаю к нам домой, здесь жить мы с Гришей не хотим. Будем жить в Джеккагане, Гриша закончит все дела, оставит вам дом и приедет ко мне, передайте ему ключ, пожалуйста.

Она сунула удивленной тетке ключ и с чемоданом зашагала к большаку. Через полчаса совхозная попутка уже везла ее в город на станцию. Придя с работы, Гриша уткнулся в запертую дверь и, несколько не удивившись, отправился за ключом к тетке. Они часто оставляли ей ключ. Подойдя к ее дому, он попросил двоюродную сестру вынести ключ, чтобы не заходить в дом. Но вместо сестры на крыльце с его ключом показалась тетка.

– А, Гриша, – сказала она ему, и продолжила: – Забегала Надя, передала ключ, ты почему не сказал, что вы уезжаете в Джеккаган? Мы хоть проводили бы вас по-человечески, дом нам оставляешь?

Гриша, не понимавший ровно ничего из сказанного теткой, стоял опешивший, широко раскрыв глаза.

– Сам то когда ехать решил? – не унималась тетка.

Гриша стал туго, но все же соображать, что он ошибся в степени упорности жены в своих решениях. Да, думал он, это я маху дал. Но, собравшись с мыслями, ответил тетке, что не скоро еще, после уборки, наверное.

– Куда сейчас-то поеду, некогда, да и подсобраться нужно. А она там пока устраиваться будет.

– А-а, – протянула тетка, – ладно, забегай, – и скрылась в хате.

Придя домой, Гриша с тоской ходил по комнатам большого дома, вспоминал счастливые минуты их жизни. И чем больше он предавался воспоминаниям, тем все больше и больше обида обхватывала его душу и сердце. Она накатывала приступообразно, рвала в клочья светлое и на его место обильно стелила темное, непроницаемое. Она начинала его давить всей своей тяжестью, отнимала разум, будила злость и опустошенность. Как только разум говорил о том, что нужно что-то предпринять, пока еще не слишком поздно, как тут же обида вонзала свое выжигающее жало в сердце, говорила о его собственной правоте и неправоте Нади. О том, что она непременно пожалеет о совершенном поступке и еще приедет, прилетит просить у него прощения. Что он может сейчас сделать, что? Ехать за ней глупо, ее, вероятно, уже не догнать. Она, небось, уже едет к своим в поезде. Утром нужно идти на работу, самовольно ведь не уедешь. Нужно отпрашиваться. А что говорить? Сказать, что от него сбежала жена, и он едет ее вернуть? Поймут ли? А если нет, если он превратится в посмешище? А может, переберется и вернется? Может, нужно дать ей паузу, показать себя мужчиной, которым невозможно крутить, как собака крутит хвостом. Так, надо набраться терпения, спокойно подумать, завтра, наверное, все будут судачить о ее отъезде. Надо придумать что-то правдоподобное. Мысли путались и перемешивались в разной последовательности. Одно становилось ясно – он не знал, что с этим делать!

Гриша встал и двинулся кормить животных, за этим привычным делом ему стало спокойней, ему даже показалось, что животные, как никто другой, понимали его и сочувствовали ему. Он был им благодарен. Закончив дела, он вернулся в дом, есть не хотелось, он, не раздеваясь, лег на кровать и, промучившись еще до позднего вечера, стал уговаривать себя заснуть. Наконец, естественная усталость от нервного напряжения стала брать верх и в какой-то миг выключила его сознание.

Утром на работе он был сумрачен и подавлен. Работа не клеилась, все валилось с рук. В таком положении – «между небом и землей» – он провел все время до конца первой после отъезда Нади недели. Оставшись на выходные один, он не выдержал и, увидев в окно Леню, позвал его к себе. Леня уже, конечно, знал об отъезде Нади, но спокойно на это реагировал, сожалея только о скором отъезде своего друга. Они пили весь день, пока тетка, заподозрив что-то неладное, не явилась к Грише и не стала разгонять их по домам.

Придя в дом Гриши, она была поражена, как тот за такое короткое время буквально запустил дом. Белое белье наволочек выглядело засаленными тряпками, всюду стояла немытая посуда, одежда была раскидана по всему дому. Гриша сидел в грязных галошах на кухне, которая была просто окутана клубами серого дыма. В доме стоял устойчивый запах табака и самогона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.